947.08
Г429

На домъ не выдается

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ И ТАКТИКА ЕЯ ЧЛЕНОВЪ.

947.08
Г429

В. Герье.

МОСКВА.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева". Салтыковскій пер., д. Т—ва, № 9.
1906.

~~18487~~

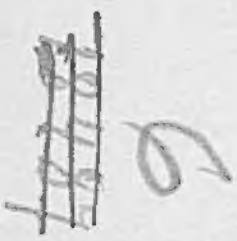
Ко
п 84 г.
ЭК
947 08
Г 429
44389 г.
Центральное Книгохранилище
Московская Центральная Публичная Библиотека

ПЕРВАЯ РУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ И ТАКТИКА ЕЯ ЧЛЕНОВЪ.

В. Герье.

МОСКВА.
Т—во „Печатня С. П. Яковлева". Салтыковскій пер., д. Т—ва, № 9.
1906.



Памятныя слова.

Eloquentia, alumna licentiae, quam stulti libertatem vocant, comes seditionum, effrenati populi incitamentum [1]).

Изъ Тацита.

Брань велія и крикъ и шумъ великъ и слова многія бранныя.

Изъ старины.

Я вижу въ предложенныхъ способахъ,—да простятъ мнѣ говорившіе — способы, являющіеся результатомъ, позволю себѣ выразиться, недостаточно яснаго представленія о томъ, что такое Дума?

Изъ рѣчи б. деп. Г. Думы *Федоровскаго*.

Бойтесь деспотизма, вашего собственнаго деспотизма, бойтесь самаго худшаго изъ нихъ — деспотизма голыхъ формулъ и отвлеченныхъ построеній.

Изъ рѣчи б. деп. Г. Д. *Н. Н. Львова*.

---

[1]) Краснорѣчіе, воспитанное на своеволіи, которое у неразумныхъ слыветъ за свободу, спутникъ мятежей, средство возбужденія необузданной толпы.

Нельзя забывать, что мы и здѣсь въ Думѣ, отражая собою населеніе, чрезвычайно единодушны во всемъ, что касается отрицанія, но есть ли въ насъ единодушіе въ положительныхъ идеалахъ? Разъ мы станемъ на почву положительныхъ идеаловъ, то наше единодушіе неизбѣжно само собою упадетъ.

Изъ рѣчи б. деп. Г. Д. *Кузьмина-Караваева.*

Первая русская Государственная Дума!

Какое это великое *слово*! Какой длинный рядъ страстныхъ вожделѣній имъ завершается! Уже сто лѣтъ тому назадъ была сдѣлана первая попытка ввести въ Россіи конституціонный образъ правленія. Она исходила отъ идейно настроеннаго Государя, но опередила свой вѣкъ; даже европейски образованный Карамзинъ желалъ видѣть въ Государѣ *единаго* законодателя, единственный источникъ всякой власти.

Но годы шли, поколѣнія смѣнялись и въ настоящее время русская Дума стала совершившимся и несокрушимымъ фактомъ.

Какая съ другой стороны свѣтлая перспектива на будущее заключается въ этомъ словѣ! Привлеченіе народныхъ представителей къ законодательной дѣятельности правительства и къ контролю надъ администраціей является переломомъ въ исто-

ріи Россіи—переломомъ не менѣе знаменательнымъ чѣмъ тотъ, съ котораго два вѣка тому назадъ началась новая исторія Россіи: тогда Петръ Великій перенесъ на русское государство формы европейскаго просвѣтительнаго абсолютизма, теперь Россія заняла свое мѣсто среди конституціонныхъ монархій Европы. И если прежде отвѣтственность за успѣхъ государственнаго дѣла лежала на немногихъ правителяхъ, то теперь эта отвѣтственность раздѣляется не только многочисленными членами Государственной Думы, но и всѣми ея избирателями. Въ виду этого опытъ съ первой Государственной Думой, первое выступленіе на историческую сцену „народныхъ представителей“ получаетъ особенное значеніе. Въ немъ должна была отразиться политическая зрѣлость людей, призванныхъ къ столь высокой роли—степень культурности самого общества, облекшаго ихъ своимъ довѣріемъ.

Но изученіе этого перваго опыта въ искусствѣ орудовать сложнымъ конституціоннымъ аппаратомъ представляетъ не одинъ только теоретическій интересъ. Послѣ перваго опыта столь мимолетнаго и столь мало удачнаго предстоитъ цѣлый рядъ другихъ опытовъ. Существенно поэтому оглянуться назадъ, разобраться въ массѣ впечатлѣній, которыя ежедневно въ насъ вызывались отчетами о засѣда-

ніяхъ въ Таврическомъ дворцѣ, еще разъ на досугѣ прислушаться къ рѣчамъ ораторовъ, взвѣсить высказанныя ими политическія сужденія и ближе присмотрѣться къ тактикѣ дѣйствовавшихъ въ Гос. Думѣ партій.

Первая русская Дума представляетъ собою интересное и во многихъ отношеніяхъ вѣрное изображеніе современнаго состоянія Россіи. Наглядно бросается прежде всего въ глаза разнообразіе этнографическаго состава Россіи. Ядро Думы составляли 265 [1]) человѣкъ великороссовъ — это немного болѣе половины (пять восьмыхъ) общаго числа депутатовъ — около нихъ группировались 62 малоросса и 12 бѣлороссовъ; 51 полякъ и 10 литовцевъ; 13 евреевъ; 6 латышей, 4 эста и 4 нѣмца; 8 татаръ и 4 башкира и по 2 или по одному экземпляру разныхъ народностей, сохранившихся въ видѣ маленькихъ островковъ въ русскомъ морѣ — мордвиновъ, вотяковъ, чувашей, черкесовъ, чеченцевъ, калмыковъ, молдаванъ и болгаръ.

Также вѣрно отражала собою Дума контрастъ культурныхъ наслоеній, характеризующихъ современную Россію: рядомъ съ депутатами, выражавшими надежду, что „Дума охлопочетъ имъ земли-

---

[1]) По числу депутатовъ, находившихся въ Думѣ къ 1 іюня.

цы“, сидѣли книжники-ревнители англійской парламентарной теоріи и техники.

Вызываемый культурнымъ различіемъ антагонизмъ проявлялся иногда въ характерныхъ формахъ. Такъ одинъ изъ депутатовъ, отстаивавшій выработанное аграрной комиссіей обращеніе къ народу, выставилъ въ его защиту слѣдующій аргументъ. „Тѣ депутаты, которые не порвали, по моему мнѣнію, сношеній съ народомъ, которые имѣютъ прямое общеніе съ нимъ, которые пришли въ Думу изъ народа „босыми ногами сквозь терніи“, тѣмъ депутатамъ не покажется беззаконнымъ указаніе обратиться къ народу съ невинной пояснительной запиской. Но тѣ господа, которые, можетъ быть, пришли въ Думу, не только въ сапогахъ и галошахъ, но и черезъ розы, тѣ облекаютъ себя, по моему мнѣнію, такимъ величіемъ, что обратиться къ народу кажется имъ чѣмъ то недопустимымъ“.

Этотъ депутатъ, обличавшій „господъ въ сапогахъ и галошахъ“ обнаруживалъ самое мирное настроеніе. Въ другихъ случаяхъ некультурность проявлялась рѣзче, какъ напр. въ „привѣтствіи“, которое одинъ изъ сибирскихъ депутатовъ привезъ Думѣ отъ крестьянина „Кулака“. Передавъ Думѣ „низкій поклонъ отъ собранія выборщиковъ“ своего города, депутатъ сообщилъ, что „иниціаторомъ

этого предложенія былъ неграмотный крестьянинъ дикаго Алтая по фамиліи Кулакъ. Рѣчь Кулака была не велика, не сложна, но она была во всякомъ случаѣ для насъ, интеллигентовъ, интересна. Онъ говорилъ: „Идутъ вѣсти, что нашимъ братьямъ въ Думѣ тяжело, что у нѣкоторыхъ уже сердца разорвались. Поэтому имъ необходимо сказать, что въ губерніи есть у нихъ помощь, есть помощники". Ближайшую ночь передъ выборами Кулакъ провелъ въ пересыльной тюрьмѣ, но и послѣ этого дума о Думѣ у него нисколько не уменьшилась, и восторженная вѣра въ силу и значеніе Думы нисколько не умалилась. Поэтому я позволю себѣ, кромѣ настоящаго привѣтствія отъ собранія выборщиковъ, передать Думѣ привѣтствіе и отъ выборщика Кулака" (*Аплодисменты*).

Это сообщеніе касается одной характерной черты первой русской Думы. Едва ли въ какомъ-либо другомъ Парламентѣ играли такую роль депутаты, попадавшіе въ него „не съ мѣста своего жительства" по выраженію одного изъ депутатовъ—„часто мы попадали сюда прямо изъ тюрьмы".

Но замѣчаніе о депутатахъ, попавшихъ въ Думу „не съ мѣста своего жительства", оправдывается еще въ другомъ, болѣе общемъ смыслѣ. Сколько было въ Думѣ депутатовъ—интересно бы знать ихъ

число,—не имѣвшихъ ничего общаго съ пославшей ихъ въ Думу мѣстностью—ставленниковъ не мѣстнаго населенія, а партійной организаціи!

Такимъ образомъ первая русская Дума является интереснымъ отраженіемъ современнаго состоянія Россіи и момента, пережитаго ею передъ выборами. Но является ли Дума столь же вѣрнымъ отраженіемъ и показателемъ политическихъ вожделѣній русскаго народа?

Въ этомъ весь вопросъ! Несомнѣнно то, что Дума выражала собою современное общественное настроеніе въ его *крайнихъ* направленіяхъ. Въ общественномъ броженіи всегда всплываютъ вверхъ и получаютъ преобладаніе наиболѣе революціонныя партіи. Поэтому и въ Россіи первая Дума стала ареной революціонныхъ партій. Самой многочисленной и вліятельной изъ нихъ была партія конституціонно-демократическая (кадетская), называющая себя также партіей народной свободы. Она организовалась, по признанію ея вождя, изъ двухъ группъ—„союза освобожденія“ и „союза земскихъ конституціоналистовъ“, дѣятельность которыхъ первоначально была „по необходимости конспиративной, или по меньшей мѣрѣ полуконспиративною“ [1]).

---

[1]) См. брошюры к.-д. партіи: Съѣздъ 12—18 окт. 1905; Постановленія II Съѣзда 5—11 янв. 1906 г., стр. 12, а также III-го Съѣзда 21/5 апр.

Такъ и въ русской исторіи повторилось то-же явленіе, которое отмѣтилъ польскій историкъ Мохнацкій, замѣтившій, что въ Польшѣ „всѣ революціи возникали изъ дѣятельности тайныхъ обществъ“.

И такъ дѣятельность первой русской Думы является проявленіемъ дѣятельности партіи, которая въ свою очередь продолжала дѣло двухъ конспиративныхъ обществъ. Поэтому въ программахъ этихъ обществъ и образовавшейся изъ нихъ партіи слѣдуетъ искать объясненія плана дѣйствій, которымъ руководилось большинство Думы, и цѣлей, которыми она задавалась.

Характерно для этой партіи—и это отразилось потомъ на дѣятельности Думы—то, что она желала видѣть въ соціалъ-демократическихъ группахъ „не противниковъ, а союзниковъ“. Уже это одно дѣлало ее революціонной. Не касаясь здѣсь соціальной и аграрной стороны программы к.-д. партіи, мы остановимся на политической.

Рѣзко революціонный характеръ к.-д. партіи вполнѣ обнаружился въ программѣ, выработанной учредительнымъ съѣздомъ партіи 12—14 окт. Въ этой программѣ въ отдѣлѣ государственнаго строя не упоминается ни единымъ словомъ о монархѣ и о царской власти. Лишь на второмъ съѣздѣ 5—11 янв. было принято болѣе опредѣленное указаніе на форму

правленія Россіи, какъ „конституціонной и парламентарной монархіи“ съ поясненіемъ, что подъ этимъ разумѣется такая монархія, въ которой управленіе осуществляется министрами, поддерживаемыми большинствомъ народнаго представительства, т.-е. ставленниками этого большинства. Обнародованіе „Основныхъ Законовъ“ до крайности раздражило партію, что обнаружилось на III-мъ съѣздѣ 21—25 апрѣля, т.-е. наканунѣ собранія Думы. Здѣсь было заявлено, что „правительство рѣшило бросить русскому народу новый вызовъ. Изданы основные законы и право ихъ пересмотра *отнято* (?) у народа“. Въ впду этого было постановлено, что партія будетъ стремиться къ достиженію своихъ цѣлей, „не останавливаясь передъ возможностью открытаго разрыва съ правительствомъ“—и что „никакія преграды, создаваемыя правительствомъ, не удержатъ народныхъ избранниковъ отъ исполненія задачъ, которыя возложены на нихъ *народомъ* (?)“.

Съѣздъ высказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ „увѣренность, что въ самыя тяжелыя минуты предстоящей борьбы имъ будетъ оказана дружная поддержка не только партіей, но и всей страной“.

Первымъ плодомъ усвоенной к.-д. партіей тактики былъ „отвѣтный адресъ Государственной Думы на тронную рѣчь Государя Императора“.

Этотъ первый адресъ представителей русскаго народа своему Государю поразителенъ тѣмъ, что въ немъ есть, и тѣмъ, чего въ немъ нѣтъ. Даже лица, враждебныя „старому порядку“, были поражены тѣмъ, что въ отвѣтномъ адресѣ не было ни одного слова благодарности монарху, осуществившему давнишнія желанія русскаго либерализма и признавали это большою политической ошибкой. Французы по крайней мѣрѣ въ началѣ своей революціи не знали предѣла своему восторгу, хотя Людовикъ XVI лишь возстановилъ давнишнее національное учрежденіе, созвавъ *вновь* Генеральные Штаты. Въ Россіи выборное народное представительство съ обширными законодательными полномочіями, созванное самодержавнымъ Государемъ, было переломомъ въ государственномъ строѣ. И ни слова признанія!

Удивляться однако тутъ нечему. Составители адреса не усматривали никакой заслуги въ *самоограниченіи* монарха, потому что знать не хотѣли русской исторіи и русскаго государственнаго права. Они стали на почву новаго права, прекрасно названнаго на простонародномъ языкѣ *захватнымъ* правомъ.

Вслѣдствіе этого чистосердечныя и вполнѣ ясныя слова тронной рѣчи были перетолкованы въ совер-

шенно превратномъ смыслѣ и въ нихъ вложены вожделѣнія партіи. Не довольствуясь законодательною ролью, отведенной Г. Думѣ *основными законами*, адресъ требовалъ, чтобы „никакія особыя узаконенія не полагали предѣла законодательной компетенціи народнаго представительства, и уничтоженія Государственнаго Совѣта. Не довольствуясь вліяніемъ на управленіе страной посредствомъ права запроса министрамъ и критики ихъ дѣйствій, адресъ потребовалъ „отвѣтственнаго передъ *Думою* министерства, обновленія администраціи на всѣхъ ступеняхъ Государственной службы!

Въ награду за это адресъ сулилъ монарху „полную безотвѣтственность“. Это значило, что Государю отводилось почетное положеніе мраморной статуи въ завѣшенномъ храмѣ, отъ имени которой жрецы произрекали бы народу *свою* волю.

А такъ какъ этому препятствовали „основные законы“, то адресъ заговорилъ о пересмотрѣ ихъ. „Не можетъ быть той области законодательства, которая была бы навсегда закрыта свободному пересмотру народнаго представительства въ единеніи съ монархомъ“. Подъ этимъ „евфемизмомъ“ скрывалось притязаніе на *учредительную власть*, т.-е. затаенное желаніе превратить Думу въ *Учредительное Собраніе*.

На этотъ адресъ правительство отвѣтило 13 мая въ лицѣ предсѣдателя Совѣта Министровъ заявленіемъ своей готовности „оказать полное содѣйствіе разработкѣ тѣхъ законовъ, возбужденныхъ Государственной Думой", которые не выходятъ изъ предѣловъ предоставленнаго ей законодательнаго почина.

Такъ съ первыхъ же дней обнаружилось принципіальное разногласіе между правительствомъ и Думою. Правительство стояло на почвѣ основныхъ законовъ, установившихъ въ Россіи *конституціонную монархію*,—Дума желала замѣнить ее *парламентарной* монархіей, т.-е. сосредоточить въ себѣ законодательную *и* правительственную власть. Отсюда то „чувство глубокаго разочарованія и полной неудовлетворенности", о которомъ поспѣшилъ заявить передовой ораторъ к.-д. партіи въ отвѣтъ на рѣчь предсѣдателя Совѣта [1]). Чувство это объусловливалось не столько тѣмъ, что правительство не согласилось исполнить пожеланій, высказанныхъ Думою, сколько тѣмъ, что оно считало себя въ правѣ чего-либо не исполнять изъ „задачъ, которыя на него возложило народное представительство". „Мы

---

[1]) Мы не приводимъ именъ, потому что имѣемъ въ виду не лица, а *мнѣнія*, высказанныя въ Думѣ.

усматриваемъ въ этомъ *вызовъ*, объявилъ вождь кадетовъ, и мы этотъ вызовъ принимаемъ".

„Мы полагаемъ, заключилъ свою рѣчь народный трибунъ, что выходъ изъ этого положенія можетъ быть только одинъ: разъ намъ говорятъ, что правительство является не исполнителемъ требованій народнаго представительства... мы можемъ сказать только одно: исполнительная власть да покорится власти законодательной"!

Что могло быть яснѣе: Se soumettre ou se démettre, сказалъ знаменитый трибунъ главѣ правительства—но то было въ республикѣ! Такимъ образомъ лозунгъ былъ данъ, цѣль была указана, она заключалась въ устраненіи министерства, чтобы захватить его власть и какъ красная нить проходитъ черезъ всѣ дальнѣйшія 32 засѣданія, „мятежный крикъ: „пора, пора",—проявляемый и въ длинныхъ рѣчахъ и въ краткихъ возгласахъ—„въ *отставку*, *въ отставку*". Слѣдующій затѣмъ ораторъ перешелъ съ юридической почвы на моральную: „Нѣтъ, это не вопросъ основныхъ законовъ" заявилъ онъ. Не въ законѣ должно быть написано, что министерство, не пользующееся довѣріемъ народныхъ представителей, уходитъ отъ власти. Не въ законѣ это должно быть внѣдрено, а въ *совѣсти* государственныхъ лицъ. И если въ этой со-

вѣсти нѣтъ сознанія, писать его въ законѣ безплодно".

Здѣсь на помощь приспѣли *союзники* господствовавшей партіи и въ болѣе наглядныхъ образахъ стали повторять тѣ же мысли. Требованія заявлялись уже не отъ имени народныхъ представителей, а само „крестьянство пришло сюда и заявило мощную свою волю". Предложивъ людямъ, которымъ „скоро въ Россіи нечего будетъ дѣлать" самимъ переселиться на тѣ земли, которыя министерство готовитъ для переселенческаго дѣла, ораторъ заявилъ: „Мы хотимъ, чтобы хозяиномъ страны и распорядителемъ ея былъ народъ. Мы хотимъ, чтобы министерство было отвѣтственно передъ народомъ, чтобы оно подчинилось волѣ народной. Всякое другое министерство не можетъ быть терпимо— или мы, или они".

Не менѣе выразительно, хотя и не совсѣмъ складно поучалъ министерство другой ораторъ той же группы: „Не всѣ министры обязаны быть властью исполнительной, они должны брать у *насъ* то, что *мы*, представители страны, находимъ нужнымъ, необходимымъ и неотложнымъ для насъ—*страны*— изучать то, что мы постановляемъ, какъ законъ и, какъ наши вѣрные слуги—исполнять эти законы. Вотъ ихъ обязанность. (Аплодисменты). А они явп-

Московская Центральная Публичная библіотека

лись сюда диктовать *намъ*, представителямъ страны, поучать *насъ*“. Ораторъ признавалъ это большою *смѣлостью*, желая собственно назвать это другимъ словомъ, „стоящимъ въ алфавитѣ нѣсколько ближе буквы с“—но надѣялся, что гг. министры и безъ того поймутъ, что онъ хочетъ сказать.

И такъ какъ министры показали, что они „не имѣютъ понятія о томъ, гдѣ они и каково ихъ мѣсто“, то ораторъ выразилъ требованіе „прежде всего удаленія безотвѣтственнаго министерства и сформированія такого министерства, которое пойдетъ вмѣстѣ съ народомъ и будетъ подчиняться волѣ народа“.

Послѣ этого еще цѣлый рядъ ораторовъ ломалъ копья въ турнирѣ противъ министерства. Одинъ изъ этихъ ораторовъ выразилъ удивленіе, что министерство не ушло тотчасъ послѣ того, какъ Дума въ отвѣтномъ адресѣ изложила программу *своей* дѣятельности. „Мы ждали, что отвѣтомъ на это заявленіе будетъ *краткая вѣсть* о томъ, что министерство вышло въ отставку“. Этотъ ораторъ, правда, еще признавалъ что по „основнымъ законамъ“ только Верховная власть назначаетъ и увольняетъ министровъ“, но по его соображеніямъ основные законы не препятствовали министерству добровольно подать въ отставку, разъ оказалось, что оно идетъ

противъ воли народа, ибо такое министерство, заключилъ ораторъ, должно прежде всего уйти.

Слѣдующій затѣмъ ораторъ вовсе не признавалъ основныхъ законовъ. „А всѣ тѣ основные законы, заявилъ онъ, которые *исполнительная* власть дала намъ за нѣсколько дней до открытія Думы— развѣ это не нарушеніе основныхъ законовъ русскаго народа. Magna charta libertatum русскаго народа!“ По его мнѣнію, пока не будетъ отвѣтственнаго министерства, депутатамъ прійдется „дѣйствовать въ безвоздушномъ пространствѣ“. Поэтому онъ находилъ, что съ этимъ требованіемъ объ отвѣтственномъ министерствѣ „связывается вопросъ о нашемъ дальнѣйшемъ достоинствѣ или безчестіи“.

Эта же нота еще сильнѣе прозвучала въ одной изъ слѣдующихъ рѣчей. „Товарищи, началъ ораторъ, я долженъ упомянуть о глубокомъ оскорбленіи, нанесенномъ представителямъ народа, не только представителямъ, но въ лицѣ ихъ и всему русскому народу, многомилліонному. А отъ кого,спрашивается? Отъ того одного лица, которое должно быть отвѣтственно передъ народомъ“.

„Кто же намъ врагъ и кто намъ другъ? Вѣдь мы собрались здѣсь отъ всей Россіи, чтобы рѣшать свою судьбу, мы доведены до отчаянія, и дальше такъ жить нельзя и значитъ намъ, народу, въ сп-

лу необходимости нужно взять всю судьбу въ свои руки и самимъ ее рѣшать. Я коротко скажу: „если жизнь народу, то не жизнь, а смерть старому правительству“—„А наше дѣло, заключилъ депутатъ, бороться, бороться, бороться“.

Недѣлю спустя произошелъ слѣдующій характерный инцидентъ. Когда товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ давалъ объясненіе по земельному вопросу, одинъ изъ депутатовъ заявилъ, что по этому вопросу записалось болѣе 100 человѣкъ, а между тѣмъ у насъ много времени отнимаютъ посторонніе лица своимъ совершенно праздными разговоромъ. На это предсѣдатель Г. Думы замѣтилъ оратору, что онъ посторонними лицамъ слова не давалъ. Депутатъ смолчалъ, но въ засѣданіи 23 мая счелъ нужнымъ вернуться къ вопросу и объяснилъ, что „послѣ того, какъ Г. Дума выразила недовѣріе министерству, выразила желаніе, чтобъ оно немедленно подало въ отставку, онъ считаетъ, что Г. Дума не должна болѣе считать представителей министерства своими людьми, а посторонними“. Въ концѣ своего разъясненія депутатъ сдѣлалъ выводъ, что настоящее министерство не только является для Г. Думы постороннимъ лицомъ, но оно должно являться также и для нашей изстрадавшейся отъ ихъ беззаконія страны постороннимъ лицомъ“ (Аплодисменты).

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого представился случай общаго натиска на „министерскую скамью“. На сообщеніе со стороны предсѣдателя Думы, что выработанный ею законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни предположено разсмотрѣть въ Г. Думѣ 26 мая, три министра, которыхъ это касалось, не пожелали, въ виду сложности вопроса,—чтобы было отступлено отъ ст. 56 Учр. Г. Д., предоставлявшей имъ право отложить разсмотрѣніе законопроекта на *мѣсячный* срокъ.

Во главѣ нападающихъ шелъ тотъ же депутатъ, который былъ передовымъ борцомъ и въ засѣданіи 13 мая. На этотъ разъ онъ заговорилъ языкомъ *сопозниковъ*. Онъ открылъ свою рѣчь жалобой на „неосвѣдомленность, оторванность отъ жизни, глухоту и слѣпоту къ общественнымъ стремленіямъ, которыми характеризуются наши министерства“. Указавъ на сильный интересъ, проявившійся въ обществѣ къ данному вопросу, ораторъ продолжалъ: „одно министерство спало сномъ праведника, ничего этого не замѣчало и проснулось только тогда, когда наше постановленіе прошлой недѣли толкнуло его въ бокъ“.

Одинъ изъ слѣдовавшихъ за нимъ ораторовъ нашелъ нужнымъ возразить своему предшественнику, выразившему требованіе, чтобы министерство до за-

конодательной отмѣны смертной казни фактически пріостановило ее. Требовать этого отъ министерства, сказалъ этотъ депутатъ „мы уже не можемъ потому, что самъ г. NN считаетъ это требованіе условнымъ, а именно, если у нихъ есть совѣсть, а я думаю, что на это условіе полагаться невозможно“.

Въ эти пренія вмѣшались и *сопозники*. „Гдѣ столкнулись два врага, заявилъ одинъ изъ нихъ, которые разойдутся только послѣ того, какъ одинъ изъ нихъ останется мертвымъ на мѣстѣ“... (аплодисменты). Прерванный предсѣдателемъ, объявившимъ, что „въ палатѣ не можетъ быть разговора о томъ, что кто-то кого-то будетъ уничтожать“, ораторъ въ свое оправданіе изъяснилъ, что не хотѣлъ физически уничтожить министерство, но въ правѣ воспользоваться метафорой „Давно пора поставить вопросъ, кто изъ насъ, мы или они, министры“.

Новый ораторъ принялся съ „документами въ рукахъ“, свидѣтельствовать, что министры отстали въ пониманіи вопроса о смертной казни даже отъ простыхъ неграмотныхъ и полуграмотныхъ женщинъ, живущихъ въ захолустьяхъ В. уѣзда“. Въ этомъ же тонѣ продолжалъ другой ораторъ: „Три министра почувствовали свою неподготовленность, почувствовали свою слабость и просятъ от-

срочки. Какой же смыслъ въ этой отсрочкѣ? Оставимъ имъ эту надежду подготовиться и скажемъ себѣ: будемъ безъ всякихъ отсрочекъ добиваться того, зачѣмъ послалъ сюда насъ нашъ народъ".

За этимъ послышался болѣе внушительный голосъ; обращаясь къ министрамъ, онъ звучалъ: „Отнынѣ это вопросъ вашей личной совѣсти. Вы изъ роли Пилата, на которую до сихъ поръ претендовали, переходите на роль палачей.—Мы своей роли, мы своего значенія не забудемъ. Безотвѣтственность министровъ— значитъ возможность прикрываться формой закона, творить преступленіе".

Подъ вліяніемъ такихъ рѣчей одинъ ораторъ нашелъ нужнымъ сказать министерству, что къ нему относятся съ недовѣріемъ, недовольствомъ и даже съ презрѣніемъ"—и хотя онъ былъ остановленъ предсѣдателемъ, слѣдующій за нимъ ораторъ повторилъ эту фразу, и затѣмъ сталъ оправдываться: „Я ничѣмъ не оскорблялъ,—я считалъ долгомъ называть каждую вещь ея собственнымъ именемъ, не могу называть половинчатымъ, а оскорблять не оскорбляю. У насъ есть народные представители, которые не могутъ понять въ другомъ смыслѣ, въ литературномъ изложеніи они не могутъ понять".

Извѣстіе о погромѣ въ Бѣлостокѣ до крайности распалило страсти и послужило базой для новыхъ

нападеній на министерство. Оговорившись, что ему приходится дѣлать надъ собою громадныя усилія, чтобы не впасть въ неподходящій тонъ для этого высокаго дома, одинъ изъ ораторовъ заявилъ, что члены Думы должны смотрѣть на бѣлостокскую исторію, какъ на косвенный отвѣтъ на всѣ запросы, на которые министерство не нашло нужнымъ и возможнымъ отвѣчать имъ. Оно говоритъ, „языкомъ труповъ“. Въ этомъ тонѣ говорили и другіе. Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій по тому же вопросу одинъ изъ ораторовъ, всегда находившій реальные образы, заявилъ, что министры „не постѣснялись торжественно прибить у себя на лбу надпись „Бѣлостокъ“.

Эта формула такъ понравилась, что ее черезъ нѣсколько дней повторилъ другой ораторъ съ легкимъ варіантомъ, что министерство на лбу своемъ прибило ярлыкъ съ надписью „Бѣлостокъ“.

Всякій фактъ, всякій запросъ и всякое сообщеніе кого-либо изъ министровъ служили поводомъ къ оскорбленіямъ министерства. Но среди этихъ оскорбленій не забывалась реальная цѣль ихъ—добиться ухода министровъ. Такъ въ засѣданіи 9 іюня одинъ изъ депутатовъ началъ свою рѣчь со словъ: „Народные представители и народный врагъ вчера встрѣтились лицомъ къ лицу“. Остановленный пред-

сѣдателемъ, депутатъ продолжалъ, говоря о министрахъ: „Они пошли спасать отечество, а навѣрное, теперь въ кабинетахъ готовятъ проектъ какого-нибудь новаго погрома (*аплодисменты*). Это ихъ служба, это ихъ дѣло, ихъ любимое занятіе. Пусть они уходятъ, пусть эти господа ускорятъ свою гибель! Исторія обрекла ихъ на гибель, не спастись имъ, и они скоро сойдутъ со сцены".

„Когда же наконецъ (quo usque tandem), продолжалъ свое обличеніе депутатъ, вы прекратите наши терзанія, когда, наконецъ, вы оставите насъ въ покоѣ, когда, наконецъ, весь составъ и стараго и новаго кабинетовъ уберется со сцены, когда, наконецъ, вы дадите намъ свободно дышать, свободно жить въ Россіи?—Я указалъ бы не на отдѣльные факты, а на цѣлые ряды преступленій, такъ какъ каждый шагъ правительства есть преступленіе передъ народомъ. Именемъ этого народа я призываю на судъ, предаю суду всѣхъ грабителей, весь составъ администраціи сверху донизу, и новаго и бывшаго министровъ и премьера. Отъ имени русскаго народа говорю, чтобы они сейчасъ ушли съ своихъ мѣстъ и дали возможность занять эти мѣста людямъ, избраннымъ самимъ народомъ, людямъ болѣе способнымъ, болѣе честнымъ, неподкупнымъ".

А другой депутатъ, сославшись на анонимное

интервью въ газетѣ Times съ „министромъ, пользующимся среди своихъ коллегъ бо̀льшимъ авторитетомъ, чѣмъ другіе“ ему „открыто“ сказалъ, что онъ „черносотенецъ несомнѣнный“. Рѣчь же свою депутатъ заключилъ словами: „Министерство играетъ и играетъ безцеремонно со всѣми силами народа, и если оно будетъ продолжать эту политику, его выбросятъ изъ этой залы“(*аплодисменты*). Первымъ изъ вышеуказанныхъ депутатовъ была представлена соотвѣтствующая его рѣчи резолюція, подписанная членами его группы. Эта резолюція однако не нашла сочувствія у к.-д. партіи, и одинъ изъ ея членовъ внесъ отъ ея имени другую, болѣе парламентарную, оканчивавшуюся катоновскимъ cetеrum censeo:—„только немедленная отставка настоящаго министерства и передача власти кабинету, пользующемуся довѣріемъ Г. Думы, въ состояніи вывести страну изъ тяжелыхъ и быстро возрастающихъ затрудненій“.

Но этотъ депутатъ счелъ въ то же время нужнымъ оправдываться передъ болѣе суровыми союзниками противъ упрека, что „въ палатѣ существуетъ будто бы слишкомъ мягкое или слишкомъ примирительное настроеніе по отношенію къ нынѣшнему правительству. „Мнѣ кажется, продолжалъ ораторъ, съ этимъ ни въ коемъ случаѣ нельзя согласиться.

Въ палатѣ господствуетъ, наоборотъ, совершенно непримиримое настроеніе къ настоящему режиму: мы ни въ коемъ случаѣ, никогда съ нимъ не примиримся... У насъ существуетъ совершенно непримиримое желаніе: мы желаемъ непремѣнно добиться того, что мы выставили какъ свою программу".

Личныя, не парламентскія нападки на министра внутреннихъ дѣлъ продолжались и въ слѣдующемъ засѣданіи по поводу его отвѣта на запросъ Г. Думы о мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ для борьбы съ голодомъ до новаго урожая. Въ своемъ отвѣтѣ министръ указалъ на мѣры, подготовлявшіяся въ министерствѣ по этому дѣлу. Говорившій послѣ министра депутатъ нашелъ въ его рѣчи лишь „самовосхваленіе" и „желаніе пожать тоже аплодисменты за своевременную дѣятельность".

„У себя подъ носомъ гг. министры ничего не знаютъ и знать не будутъ". Но тѣмъ болѣе удивила депутата „своевременность", проявленная на этотъ разъ министерствомъ, и онъ спрашивалъ себя, чѣмъ ее объяснить. Это объясненіе депутатъ находилъ въ заявленіи министра, что на этотъ предметъ потребуются „многомилліонныя" затраты. „Каждый разъ, когда нужны многомилліонныя затраты, эти господа являются своевременно, и мы знаемъ результаты ихъ появленія: три четверти денегъ оста-

ются въ карманахъ, начиная съ министерства и кончая послѣдними..." (*взрывъ рукоплесканій*).

Отвѣчая на замѣчанія нѣсколькихъ депутатовъ, министръ заявилъ, что относительно ораторовъ съ *лѣвой* онъ на ихъ клеветы, на ихъ угрозы, на ихъ (*шумъ, крикъ*: довольно) на ихъ угрозу захвата исполнительной власти отвѣчать не будетъ (*шумъ, крики*: довольно, Бѣлостокъ, погромщики, долой) [1]).

Особенно горячился одинъ ораторъ. „Знаетъ ли господинъ министръ, что онъ совершилъ? Знаетъ ли, что онъ бросилъ эту угрозу въ лицо всему русскому народу? Знаетъ ли онъ то чувство гнѣва, которое охватитъ весь русскій народъ?.. И вотъ почему я говорю: не нужно ослаблять, а нужно усиливать до тѣхъ поръ, пока и здѣсь станетъ ясно, что единственный выходъ для министерства—уйти немедленно" (*Бурные аплодисменты, крики*: довольно).

Говорившіяся по поводу этого случая рѣчи побудили одного изъ депутатовъ воскликнуть:

„Господа народные представители! Что же это такое? Я слышалъ такую здѣсь фразу: пока министерство не уйдетъ въ отставку, до тѣхъ поръ Ду-

---

1) Газеты приводятъ еще другіе возгласы: Онъ насъ оскорбилъ, онъ оскорбилъ Думу; какъ онъ смѣетъ?

ма не ассигнуетъ ни одной копейки въ пользу голодающаго населенія“!

Вожди какъ главнаго отряда, такъ и союзниковъ поспѣшили воспользоваться случаемъ для новой резолюціи по ниспроверженію министерства, гласившей, что помощь голодающему населенію будетъ тормозиться, пока остается у власти нынѣшнее безотвѣтственное передъ народомъ министерство.

Аналогическій, т.-е. не парламентскій характеръ представляетъ другая „бурная сцена“ въ засѣданіи, когда министръ юстиціи и уполномоченные трехъ другихъ министерствъ давали отвѣтъ на обращенный къ нимъ запросъ. Кромѣ пропсходившей въ это время „велей брани“ эта сцена замѣчательна еще тѣмъ, что одинъ изъ ораторовъ провозгласилъ себя единовластнымъ распорядителемъ думской трибуны и объявилъ, что „кто не удовлетворитъ минимуму честности, минимуму порядочности“ и т. д. никогда—ни сегодня, ни завтра, ни послѣзавтра—не будутъ имѣть какой-либо возможности говорить съ этой трибуны“. Далѣе онъ заявилъ отъ имени своей группы, что явившійся представитель военнаго министерства „съ этой трибуны ни одного слова болѣе не произнесетъ“ (*аплодисменты*).

Интересно и то, что противъ этого простѣйшаго способа разрѣшить вопросъ о министерской от-

вѣтственности протестовалъ не предсѣдатель Г. Думы или кто-либо изъ руководившей Думою партіи, а одинъ изъ членовъ малочисленной группы умѣренныхъ, заявившій, что если тотъ минимумъ требованій, который долженъ удовлетворить всякій говорящій на этой каѳедрѣ, будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія лицъ, сидящихъ тамъ (налѣво) или какихъ бы то ни было группъ или даже всей Думы, а не закона, то Дума будетъ неработоспособна—„а вмѣсто порядка, для котораго мы созваны, вы зальете страну такой кровью, какой еще она не видала. Я глубоко протестую противъ этого“.

Но *шумъ* былъ отвѣтомъ на этотъ призывъ къ парламентской свободѣ слова. По газетнымъ же отчетамъ этотъ депутатъ испыталъ на себѣ самомъ пріемъ, противъ котораго протестовалъ—шумъ *заглушилъ* его слова.

Непріятность, испытанная однимъ изъ членовъ Думы на улицѣ, снова дала распорядителю думской трибуны случаи предъявить свое захватное право на нее:

„Если еще разъ дотронутся хотя до одного депутата, объявилъ онъ отъ имени своей группы, то мы заявляемъ, что ни одинъ министръ съ этой трибуны никогда не произнесетъ ни единаго слова. Мало того, мы заявляемъ, что если дотронутся до

одного изъ нашихъ товарищей депутатовъ, или, паче чаянія, онъ будетъ убитъ, пусть ни одинъ изъ министровъ не явится сюда. Мы слагаемъ съ себя отвѣтственность за ихъ неприкосновенность“ (*голоса слѣва*: вѣрно).

Разсмотрѣніе Г. Думою доклада о Бѣлостокскомъ погромѣ послужило новымъ поводомъ требовать отъ министерства выхода въ отставку—но съ новымъ тактическимъ пріемомъ — упрекомъ въ безсиліи, съ ссылкою на правительственное сообщеніе, указывавшее на вредное вліяніе, какое имѣли на полицію частыя покушенія на нее и убійства, совершаемыя революціонерами: одинъ изъ ораторовъ усмотрѣлъ въ этомъ признаніе правительства, что оно „не можетъ само создать той власти, которая должна бороться съ революціей“. „Трусятъ передъ анархистами, трусятъ передъ газетами“. Если бы у нашихъ правителей была хотя капля совѣсти, они должны были бы сказать: „У меня власти и силы нѣтъ для совершенія того, что считаю исходомъ—пусть придутъ другіе, у которыхъ есть другія средства—мы уходимъ. Но этой-то капли совѣсти и нѣтъ“.

Другой ораторъ доказывалъ, что министерство не можетъ узнать правды, ибо „все министерство внутреннихъ дѣлъ знаетъ, что лучшимъ способомъ

сдѣлаться ближайшимъ помощникомъ г. Столыпина въ званіи министра—начать свою карьеру ложнымъ доносомъ". Расписывая *безсиліе* министровъ, ораторъ продолжалъ: „они давно бы насъ распустили, но распустить насъ въ открытую они не смѣютъ, даже подъ видомъ отпуска". По словамъ оратора, министры изъ боязни не появлялись въ самую Думу—изъ боязни не возгласовъ, а обнаруженія ихъ дѣйствій. Взывать къ ихъ совѣсти безполезно: „сколько разъ мы взывали". „Куда мы идемъ? при томъ возбужденіи всѣхъ низкихъ страстей, которыя отсюда (съ указаніемъ на министерскія мѣста) практикуются, чего мы дождемся?" И ораторъ закончилъ: „если у васъ нѣтъ патріотизма. то поймите вы наконецъ, что поднимается физическая сила? Когда подъ вліяніемъ фактовъ вы скажете „пора уходить, тогда будетъ поздно". (*Долго несмолкаемые аплодисменты*).

Уже до этого засѣданія стали ходить слухи о предстоящей отставкѣ министерства, и въ газетахъ выражались то надежда на близкое осуществленіе *кадетскаго* министерства, то страхи, что она не сбудется. Въ концѣ іюня эти слухи стали повторяться настойчивѣе, и газеты стали обсуждать вопросъ, должно ли новое министерство быть чисто кадетскимъ или коалиціоннымъ, принявъ въ свой со-

ставъ членовъ правой или лѣвой группы. Указывалось на то, что право составить министерство принадлежитъ конечно наиболѣе многочисленной партіи въ Думѣ, но что и вступленіе въ министерство членовъ изъ другихъ группъ не испортило бы дѣла, „такъ какъ разница между к.-д. партіей и ихъ ближайшими сосѣдями весьма ступенчата“. При такихъ сомнѣніяхъ *Петербургская газета* обратилась къ оракулу к.-д. партіи и съ его словъ оповѣстила, что слухъ, будто министерство уже подало въ отставку, весьма вѣроятенъ,— а на вопросъ, въ какое министерство согласились бы войти кадеты, оракулъ вынесъ въ отвѣтъ свое non possumus: „ни въ какомъ смѣшанномъ кабинетѣ мы участія не примемъ“.

Горя нетерпѣніемъ ускорить захватъ министерства, соперники его продолжали пользоваться разсмотрѣніемъ доклада о Бѣлостокѣ—оно тянулось нѣсколько дней — для своихъ цѣлей. Засѣданіе 29 іюня было ознаменовано одною изъ лучшихъ рѣчей, произнесенныхъ въ первой русской Думѣ, рѣчью, соединявшей въ себѣ призывъ къ патріотическому чувству собранія съ апелляціей къ его здравому разсудку и справедливости. Произносившій эту рѣчь предостерегалъ собраніе противъ необоснованныхъ обвиненій министерства. Чтобы сгла-

дить впечатлѣніе, произведенное этою рѣчью, на арену вышелъ одинъ изъ наиболѣе пылкихъ кадетовъ. Онъ согласился съ своимъ предшественникомъ лишь въ одномъ: есть нравственный уровень, ниже котораго не можетъ опускаться правительство ни въ одной цивилизованной странѣ. „Но наше бюрократическое правительство, пропзрекъ ораторъ, опустилось ниже этого уровня!“ И чтобы приговздить успѣхъ къ своему знамени, онъ предложилъ вмѣсто запроса министерству—*обвинительный актъ* въ формѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ, кончавшагося немедленнымъ преданіемъ суду всѣхъ отвѣтственныхъ (за погромы) высшихъ и низшихъ должностныхъ лицъ безъ различія ихъ ранга и положенія и немедленный выходъ нынѣшняго министерства въ отставку!“

Травля министерства продолжалась и на слѣдующій день. Отвѣчая товарищу министра юстиціи, кадетскій ораторъ началъ необычнымъ для него любезнымъ тономъ: „такъ мы не привыкли къ выступленію власти на путь законности, справедливости и гуманности“,—но это было только для начала—и ораторъ тотчасъ впалъ въ обычный ему тонъ, назвавъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи „двумя апостолами положенія объ усиленной охранѣ, вмѣстѣ ее практикующими“ и пред-

ложивъ „вообразить невообразимое—приказъ предсѣдателя Г. Думы въ пересыльную тюрьму о личномъ задержаніи министра юстиціи. Закончилъ же ораторъ въ противорѣчіи съ своимъ началомъ, что при существующемъ режимѣ—правды въ Россіи не будетъ.

И эта выходка противъ министерства не обошлась конечно безъ союзниковъ. Одинъ изъ нихъ заявилъ, что къ „жестокому сѣченію чиновъ министерства прибавилось и самосѣченіе рукою товарища министра юстиціи всего вѣдомства юстиціи". А другой союзникъ торжествовалъ побѣду. „Министры великолѣпно знаютъ, восклицалъ онъ, что они не удержатся на своихъ мѣстахъ. Они не менѣе великолѣпно знаютъ, что сидѣть на этихъ мѣстахъ имъ придется не мѣсяцъ, не недѣлю, а только дни и что они отсюда уйдутъ. Чего же они добиваются? Ихъ судьба рѣшена. Они отсюда уйдутъ и уйдутъ черезъ нѣсколько дней".

Увѣренность въ близкомъ торжествѣ была такъ велика, что одинъ изъ депутатовъ заявилъ въ послѣднемъ думскомъ засѣданіи, что сохраняетъ за собою свободу требовать отъ будущаго министерства преданія суду министра внутреннихъ дѣлъ Столыпина. Ораторъ не предчувствовалъ, какая иронія судьбы была въ его словахъ! Заканчивая

свою рѣчь, этотъ депутатъ взялъ *рекордъ* надъ союзниками въ разгромленіи министерства: „министръ Столыпинъ, сказалъ онъ, вступаетъ открыто на путь борьбы съ свободою, со всѣмъ освободительнымъ движеніемъ, и мы шлемъ пожеланія Столыпину въ этой борьбѣ всякихъ неудачъ, пораженій и гибели, шлемъ ему свое народное проклятіе (Лѣвые шумно аплодируютъ).

Такимъ образомъ кадеты и ихъ союзники употребляли всѣ свои усилія, всю свою необузданную риторику на то, чтобы позорить министерство, дискредитировать правительство передъ страною и всею Европою и чтобы захватить въ свои руки власть. Но способны ли они были обладать властью въ монархическп-конституціонномъ государствѣ? Это обнаружится при разсмотрѣніи воззрѣній, высказанныхъ членами Думы на власть и назначеніе Г. Думы, на монархію, конституцію, народовластіе и революцію.

* * *

Борьба въ Г. Думѣ противъ министерства, характеризованная выше приведенными справками, какъ изъ нихъ видно, рѣзко отличалась отъ подобныхъ явленій въ другихъ конституціонныхъ странахъ не только по формѣ, но и по существу.

По формѣ—потому что она велась не путемъ отклоненія министерскихъ предложеній (кромѣ одного случая—а именно отказа министерству въ 50 милліонахъ рублей на нужды постигнутаго неурожаемъ населенія), но посредствомъ криковъ, угрозъ и оскорбленій. Самъ предсѣдатель Г. Думы былъ принужденъ однажды воскликнуть: „Зачѣмъ постоянно употреблять оскорбительныя выраженія?“ Но еще рѣзче отступала русская Г. Дума отъ другихъ конституціонныхъ палатъ по существу. Борьба въ ней велась не только противъ министерства, но и противъ самой конституціи; борьба велась не только изъ за министерскихъ портфелей, но ради захвата верховной власти, т.-е. борьба была не конституціонная, а *революціонная*.

Положеніе, которое было отведено русской конституціей Г. Думѣ, мало удовлетворяло громадное большинство ея членовъ. Кадетская партія желала не конституціонной, а парламентарной монархіи, т.-е. полнаго подчиненія монарха и правительства большинству народнаго представительства—на англійскій образецъ; желанія же лѣвыхъ группъ выходили за предѣлы всякой возможной конституціи. Но помыслы всѣхъ членовъ Думы сходились въ томъ, чтобы по возможности высоко поднять авторитетъ Г. Думы. Одинъ изъ ея ораторовъ

оправдывалъ этимъ то, что называли „неработоспособностью“ Думы. „Дѣйствительно, говорилъ онъ, Г. Дума работаетъ не плодотворно, въ этомъ нельзя не признаться. Въ теченіе двухъ слишкомъ мѣсяцевъ результатовъ нѣтъ. Но это потому, что всѣ усилія должны были быть направлены къ поднятію авторитета Г. Думы“.

О поднятіи авторитета Думы старался и ея предсѣдатель. Когда было приступлено къ обсужденію проекта обращенія Г. Думы къ народу, авторитетнымъ юристомъ было предложено отсрочить пренія „для предварительнаго обсужденія его впѣ Думы“, но Дума на это не согласилась. Въ слѣдующемъ засѣданіи ораторъ возвратился къ вопросу и выразилъ *сожалѣніе*, что его предложеніе было отклонено. Тогда предсѣдатель прервалъ его наставленіемъ, что „по поводу рѣшенія Думы нельзя выражать *сожалѣній*“. Въ другой разъ, когда по дѣлу потерпѣвшаго на улицѣ депутата, министръ внутр. дѣлъ выразилъ полную готовность подвергнуть виновныхъ взысканію и на это послышались крики „въ отставку“, предсѣдатель слѣдующимъ образомъ мотивировалъ свое замѣчаніе, что оскорбительныя выраженія ниже достоинства Думы. „Старый строй, власть котораго во всемъ исходила сверху, пріучилъ къ тому, что люди, стоя-

щіе у власти, часто считали себя въ правѣ наносить подчиненнымъ оскорбленія, вмѣсто того, чтобы ограничиться спокойнымъ и авторитетнымъ указаніемъ на неправильности ихъ поступковъ. Неужели же мы, представители русскаго народа, занявъ положеніе въ качествѣ органа государственной власти, будемъ подражать старымъ носителямъ власти"!

Эта аналогія, сопоставлявшая министровъ съ *подчиненными*, а Думу съ *начальствами* при старомъ порядкѣ, вполнѣ соотвѣтствовала взглядамъ многихъ членовъ Думы и была нѣсколько дней спустя примѣнена къ дѣлу однимъ изъ нихъ въ слѣдующей популярной формѣ: „Если хозяинъ окончательно убѣдился, что его управляющій оказываетъ активное противодѣйствіе его предначертаніямъ, если онъ убѣдился въ его недобросовѣстности и въ его непригодности вести дѣло, онъ устраняетъ его; если, съ другой стороны, несмотря на окончательныя, рѣшительныя требованія немедленно убраться, этотъ управляющій остается около дѣла, хозяинъ въ интересахъ самаго дѣла принимаетъ на себя выполненіе своихъ плановъ и намѣреній".

Преувеличенное представленіе о власти Г. Думы проистекало у нѣкоторыхъ ея членовъ изъ лич-

наго самомнѣнія. Демократы не обезпечены отъ того недуга, которымъ страдали юные римскіе Цезари!

„Конституціонный принципъ, заявилъ одинъ изъ членовъ Г. Думы, таковъ, что слово депутата является словомъ, въ которомъ сомнѣваться никто не можетъ и не имѣетъ права". Другой депутатъ на основаніи того же конституціоннаго принципа объявилъ: „Горе тѣмъ министрамъ, которые когда-нибудь посмѣютъ сомнѣваться въ словѣ депутата". Не мало было такихъ, которые пришли въ Думу, чтобы *спасать* родину и были возмущены тѣмъ, что имъ говорятъ о какихъ-то предѣлахъ власти. Сильно содѣйствовалъ самоувѣренности и увѣренности въ великомъ призваніи Г. Думы крайній *оптимизмъ* многихъ ея членовъ. Имъ казалось, что достаточно одного полновластія Г. Думы, чтобы разрѣшить всѣ проблемы и устранить всѣ препятствія къ благополучію страны. „Только министерство, сказалъ одинъ изъ вождей Г. Думы, составленное изъ среды Думы и пользующееся довѣріемъ Думы, въ состояніи будетъ успокоить страну, а главное, успокоить не только безъ этихъ позорныхъ погромовъ, но и безъ всякихъ репрессивныхъ мѣръ. Ему во многихъ случаяхъ, можетъ быть, потребуется только одинъ *символъ* власти, только

предъявленіе своего авторитета для того, чтобы народъ ему довѣрился и чтобы въ странѣ установилось спокоïйствіе". Иллюзіи относительно всемогущества Думы раздѣлялись даже умѣренными членами ея. Одинъ изъ истинныхъ ораторовъ, который съ горячностью говорилъ противъ „угрозъ кулакомъ", противъ замахиванія топоромъ на родину-мать — закончилъ однажды свою рѣчь указаніемъ на „лозунгъ, который одинъ можетъ дать намъ право громко сказать нуждающимся -- подожди! властвующимъ—перемѣнись или уйди! себѣ— будемте работать безъ перерыва, если этого требуетъ польза русскаго государства"!

Желаніе работать *безъ перерыва* едва ли имѣло въ этомъ случаѣ противо-конституціонный смыслъ, но уже очень рано стало съ угрозой высказываться требованіе не распускать Думы, пока она сама не найдетъ нужнымъ разойтись, — хотя съ присвоеніемъ себѣ права собственнаго роспуска (permanence) Дума не только бы нарушила конституцію, но и захватила бы себѣ *автономность*, какъ это сдѣлало во Франціи Учредительное Собраніе. Уже въ засѣданіи 23 мая одинъ изъ вождей к-д. партіи объявилъ при обсужденіи аграрнаго вопроса: „Мы до тѣхъ поръ не уйдемъ отсюда, пока этотъ вопросъ не будетъ такъ или иначе разрѣшенъ" (*продолжительные аплодисменты*).

Нѣсколько дней спустя это заявленіе было примѣнено уже къ другому очередному вопросу и облечено въ форму предложенія. Депутатъ жаловался на „наброшенную на Г. Думу узду, снять которую она не посмѣла“. Между тѣмъ, по словамъ этого депутата, въ печати явились слухи о томъ, что текущая сессія Г. Думы будетъ окончена не позже 15 іюня. Въ виду этого онъ заявилъ: „Здѣсь нѣкоторые ораторы изъ партіи Народной Свободы говорили, что они не уйдутъ отсюда, не исполнивъ воли, возложенной на нихъ народомъ и что они уступятъ только силѣ. Какъ ни авторитетны и почтенны имена этихъ ораторовъ, ихъ голоса все-таки прозвучали единично, и Дума, къ сожалѣнію, къ нимъ не присоединилась“. Поэтому депутатъ пожелалъ, чтобы Дума высказалась и съ этою цѣлью предложилъ принять слѣдующую резолюцію: „Г. Дума, вслѣдствіе появившихся въ печати слуховъ и т. д., считаетъ своимъ долгомъ заявить, что она не разойдется, пока не окончитъ своей законодательной работы“. Предложенію этому не былъ данъ ходъ, такъ какъ оно было сдѣлано „не къ порядку дня“.

Такія мысли не могли не появляться въ умахъ депутатовъ, когда имъ приходилось слышать отъ своихъ юристовъ такого рода утвержденіе: „Госу-

дарственная Дума—высшая законодательная власть въ странѣ, Государственная Дума упрочиваетъ въ странѣ законный порядокъ".

Но такъ какъ власть на самомъ дѣлѣ была пока въ другихъ рукахъ, то наиболѣе нетерпѣливые изъ депутатовъ придумали нѣчто въ родѣ *двоевластія*, предлагая Думѣ вступить на путь практическихъ распоряженій и организаціи собственной, отъ нея лишь зависимой, администраціи. Еще въ самомъ началѣ дѣятельности Думы одинъ изъ ея членовъ совѣтовалъ ей „открыть въ стране собственныя столовыя. Мы посмотримъ, воскликнулъ онъ, закроютъ ли нашу столовую или нѣтъ"?

Совсѣмъ уже иной характеръ имѣло внесенное 24 мая и подписанное 35-ю членами Г. Думы заявленіе, въ которомъ было между прочимъ предложено Думѣ, „не прекращая своихъ работъ, въ то же время не дожидаться ихъ окончанія для того, чтобы начать необходимыя подготовительныя работы на мѣстахъ. Необходимо немедленно создать на мѣстахъ *комитеты*, избранные на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права для необходимой подготовительной работы, какъ-то: выработки, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ потребительной и трудовой нормъ землепользованія" и т. д. Эти комитеты

должны были также принять „живѣйшее участіе и въ общемъ обсужденіи самыхъ основъ земельной реформы“. „Такого рода мѣра, сказано далѣе, вызвала бы живѣйшее сотрудничество между Думою и всѣмъ мѣстнымъ населеніемъ, укрѣпила бы еще болѣе связь со страною и создала бы новыя формы непосредственной моральной поддержки Думы народомъ“.

Отъ „трудовиковъ“ не захотѣла отстать и другая группа на крайней лѣвой, и одинъ изъ ея членовъ предложилъ въ концѣ іюня уже прямо какъ общую мѣру: командировать членовъ Государственной Думы въ мѣста, которымъ угрожаетъ наиболѣе серьезная опасность погромовъ!

Указанныя выше справки приводятъ къ несомнѣнному выводу, что господствовавшее среди членовъ Г. Думы представленіе о значеніи этого учрежденія было въ противорѣчіи съ конституціей и должно было обусловливать собою весьма ненормальные взгляды на роль *исполнительной власти, правительства и монархіи* въ Россіи.

Что большинство членовъ Думы не признавало конституціи, благодаря которой они сами стали членами Думы, не требуетъ доказательствъ: они сами неоднократно и громко объ этомъ заявляли. Уже въ рѣчи по поводу отвѣта министерства на

адресъ Г. Думы вождь кадетской партіи объявилъ, что они, члены Думы, и общественное мнѣніе, ошиблись, полагая, что новые министры намѣрены вступить на конституціонный путь—„оказывается, что мы не имѣемъ и зачатковъ конституціоннаго министерства“. Этотъ лозунгъ подхватили *союзники*. Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій одинъ изъ нихъ сказалъ: „Если мы будемъ думать, что у насъ есть конституція — то мы будемъ глубоко ошибаться“. Возражая одному депутату, который держался другой точки зрѣнія, этотъ ораторъ дополнилъ: „что касается до закона „который изданъ для того, чтобы дать народу безправную Думу, то конечно пересмотръ его *долженъ* быть. Нуженъ новый законъ о Государственной Думѣ—это такъ“. „Мы превосходно знаемъ, что у насъ нѣтъ никакой конституціи, а только слабый зародышъ ея“, заявилъ другой ораторъ въ половинѣ іюня.

Другимъ послѣдствіемъ установившагося среди членовъ Думы взгляда на свою власть было то, что они не признавали и *правительства* въ общепринятомъ въ Россіи смыслѣ этого слова. Любопытно, какъ ихъ юристы истолковывали это слово. Одинъ изъ нихъ прервалъ провинціальнаго депутата, сказавшаго, „что Дума предложила правительству уйти въ отставку“—словами, что „Госу-

дарственная Дума сама часть правительства". Этой же точки зрѣнія держались авторы запроса № 282 по поводу опубликованнаго 20 іюня правительственнаго сообщенія по аграрному вопросу, оспаривая закономѣрность этого правительственнаго акта и утверждая, что министерству принадлежитъ лишь исполнительная власть и что оно „не можетъ претендовать на исключительное единеніе съ Верховной властью послѣ учрежденія Государственной Думы". Одобряя эту точку зрѣнія теоретически, одинъ изъ думскихъ юристовъ усомнился лишь въ правильности ея съ формальной стороны. „Мы въ законѣ не имѣемъ, сказалъ онъ, нигдѣ опредѣленія правительства! Единственный разъ, когда это слово было употреблено въ правительственномъ актѣ — это въ манифестѣ 17 октября прошлаго года, гдѣ было сказано: „а по сему признали Мы за благо образовать правительство, на обязанность котораго возлагаемъ"...

Но развѣ этотъ ораторъ не понималъ, что сославшись на манифестъ 17 окт., положившій основу новому порядку вещей и ясно опредѣлявшій понятіе правительство — онъ этимъ отнималъ всякій смыслъ у своего утвержденія, что въ русскомъ законѣ нигдѣ нѣтъ опредѣленія правительства?

Вопреки этому ясному смыслу слова *правитель-*

ство въ рѣчахъ думскихъ ораторовъ постоянно высказывались взгляды, которые шли съ нимъ въ разрѣзъ и проявлялись попытки нарушить органическую связь между составными элементами *правительства*: монархомъ и кабинетомъ. Министерство или кабинетъ, выставлялись какъ *средостѣніе* между монархомъ и Думою: „Государственная Дума, говорилъ одинъ депутатъ, не достигнетъ практическихъ результатовъ своей дѣятельности до тѣхъ поръ, пока между Думою и Государемъ и между Думою и народомъ будетъ стоять враждебная стѣна въ лицѣ министерства и его агентовъ“.

Возражая предсѣдателю совѣта министровъ, вождь к. д. партіи объявилъ при бурныхъ рукоплесканіяхъ: „мы обратились къ Верховной власти и никакого посредствующаго голоса между нами и Верховной властью, по вопросу объ амнистіи, мы не допустимъ— мы его отрицаемъ“. Одинъ депутатъ изъ чиновниковъ назвалъ министерство „случайнымъ бюрократическимъ кабинетомъ“, какъ будто онъ не зналъ, кѣмъ оно было назначено. Съ другой стороны министерству ставилось въ упрекъ, что оно, *прикрывается* именемъ правительства“. Это выраженіе примѣнялось ко всякому случаю, когда Дума бывала недовольна правительственными заявленіями. Такъ по поводу „декларацiи“ министерства отъ 13

мая говорилось, „что оно прикрылось Верховною властью, прикрылось именемъ монарха и тѣмъ сняло съ монарха безотвѣтственность, которая лежитъ въ основѣ конституціоннаго строя“.

Подобнымъ образомъ говорилось по поводу „правительственнаго сообщенія“ отъ 20 іюня, что „исполнительная власть въ данномъ случаѣ вообразила себя въ ролп Верховной власти, но кромѣ того явно злоупотребляла именемъ монарха“.

Развивая свою конституціонную теорію. говорившій такъ депутатъ ограничилъ „проявленіе русской Верховной власти формою утвержденія или отказа въ утвержденіи закона, принятаго Государственною Думой“. Все это говорилось для того, чтобы изолировать министерство, порвать его связь съ Верховной властью и подчинить его себѣ: „Исполнительная власть да *покорится* законодательной“, пропзрекъ уже 13 мая передовой боецъ (promachos) кадетовъ. Но если, по опредѣленію предсѣдателя Думы,—„Дума есть *часть* правительства, если, какъ признавалъ вышеприведенный ораторъ, законодательныя постановленія Г. Думы нуждаются въ утвержденіи со стороны Верховной власти“, то почему же „кабинетъ долженъ быть исполнительнымъ органомъ „части правительства“ „а не Верховной власти“?

Изъ этихъ софистическихъ разсужденій о правительствѣ и о Верховной власти рѣзко выдѣляются отголоски традиціоннаго взгляда на монархію, облеченные подъ часъ въ весьма наивную форму. Скорбя о томъ, что „по свѣдѣніямъ, не все то, что мы здѣсь постановляемъ, доходитъ до *свѣдѣнія* Государя Императора", одинъ депутатъ просилъ Думу „принять къ свѣдѣнію", что возможно „окольнымъ путемъ довести до Государя то, что намъ нужно", указавъ, что „разъ этотъ путь къ Государю былъ найденъ черезъ датскаго короля".

Въ другой разъ депутатъ изъ крестьянъ заявилъ: „Русскій крестьянинъ любитъ своего Государя, онъ за него съ коломъ пойдетъ на кого угодно".

Даже одинъ изъ трудовиковъ, предлагавшій Думѣ заявить, что она относится съ сочувствіемъ къ крестьянскому союзу и этимъ „какъ бы сказать" крестьянамъ: „не слушайте никакихъ проповѣдей со стороны духовенства, не слушайте воззваній со стороны начальства...",—нашелъ нужнымъ признать силу монархической идеи въ русскомъ народѣ: „Не намъ, представителямъ лѣвыхъ группъ, заботиться о тѣхъ главныхъ основахъ государственной жизни, которыя могутъ остаться въ Россіи, но мы говоримъ и подчеркиваемъ, что монархическая власть можетъ быть сохранена въ Россіи, потому

что она живетъ еще въ сердцахъ многихъ милліоновъ людей".

Но единомышленники сейчасъ упомянутаго депутата признавали, что монархическая идея еще живетъ въ сердцахъ многихъ милліоновъ людей лишь для того, чтобы ею воспользоваться въ своихъ видахъ. Особенно хитроумно выразилъ это депутатъ, научившійся въ казачьей школѣ тому, что „казакъ есть слуга царю и отечеству". Но затѣмъ онъ въ другой школѣ узналъ, что „царь есть первый слуга отечества" и сталъ отсюда выводить, что казаки не обязаны нести службу тому, кто самъ есть слуга. Не гадалъ король философъ, сказавшій le prince est le premier serviteur de ses états, какъ будетъ истолкована его мысль въ оренбургскихъ степяхъ! Но въ сущности въ этой ссылкѣ на „служеніе царя" заключался лозунгъ не только членовъ лѣвыхъ группъ, но и главной кадетской партіи—„Царь первый служитель народа! а народъ—это мы"!

Въ виду этого мѣсто, которое было отведено *народу* въ рѣчахъ членовъ Г. Думы, заслуживаетъ большого вниманія. Здѣсь особенно ясно проявляется, какъ мало гармонировало настроеніе большинства Думы не только съ конституціоннымъ—„но и съ парламентскимъ образомъ правленія. Слово *на-*

рода было не только риторической погремушкой, чтобы возбудить къ себѣ вниманіе въ Думѣ и внѣ ея стѣнъ—это постоянное втягиваніе народа въ думскія пренія или, какъ гласила высокопарная фраза: „—привлеченіе всего народа къ творческой власти“—имѣло двойную цѣль.

(Съ одной стороны мы видимъ, что многіе ораторы отождествляютъ себя съ народомъ, чтобы придать *себѣ* больше вѣса и авторитета... „Двѣ недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ насъ сюда прислалъ стомилліонный народъ“.—„Двѣ недѣли мы здѣсь съ мучительной тревогой взвѣшиваемъ каждое наше слово (??) въ сознаніи великой отвѣтственности, которую на насъ возложилъ *народъ*.—„Требованія“ нами поставленныя, несомнѣнно требованія *всего* народа... если хотятъ, чтобы мы и далѣе были носителями и выразителями той великой вѣры, которую народъ вложилъ въ насъ..., намъ нужно, чтобы здѣсь была исполнительная власть, послушная велѣніямъ *народа*, пользующаяся *его* довѣріемъ“.—Все это изъ одной только рѣчи. Въ томъ же тонѣ говорилъ и членъ партіи, который долженъ былъ бы имѣть болѣе ясное представленіе о конституціонномъ строѣ: „Мы сюда пришли не для словеснаго турнира съ господами министрами и не для изученія ихъ; мы пришли сюда заявить волю народа, до сихъ поръ еще неисполненную“.

Напрасно трезвый голосъ, который такъ часто раздавался въ критическія минуты думскихъ преній и здѣсь предостерегалъ членовъ Думы: „Я думаю, что здѣсь слишкомъ злоупотребляютъ именемъ русскаго народа и невѣрно утверждаютъ, что каждый говорящій говоритъ за весь русскій народъ. Я думаю, что русскій народъ также распадается на разныя группы и партіи, какъ и мы распадаемся здѣсь. Едва ли кому-нибудь изъ насъ принадлежитъ право говорить за весь русскій народъ и утверждать, чего онъ ждетъ, чего онъ требуетъ".

Но несмотря на это вразумительное наставленіе погремушки то и дѣло продолжали раздаваться: „власть вручена намъ народомъ"; „министры, которыхъ народъ лишилъ довѣрія, не мѣшайте народной власти". „Г. Дума—учрежденіе, которое поставилъ самъ народъ, это учрежденіе, которому народъ отвѣтилъ своимъ довѣріемъ, хотя можетъ быть и не полнымъ"!..

Но особенно злоупотребляли именемъ народа тѣ, кто *угрожали* его именемъ, взывали къ его гнѣву. „Мы здѣсь всѣ заявили, чтобы правительство ушло долой и оно должно уйти, должно уйти, быть подъ народнымъ судомъ. Народъ долженъ спросить его: Кто ему позволилъ это дѣлать?" Черезъ мѣсяцъ послышалось то же самое: „А мы должны сказать.

что мы смотримъ на нихъ (министровъ), какъ на преступниковъ и будемъ надѣяться, что ихъ позорному царству настанетъ конецъ и что если не мы, то народъ справится съ ними". (*аплодисменты, шиканье справа*). Или же такая бравая рѣчь: „Если пониманіе того, что у насъ есть реальная сила, не дойдетъ до головъ тѣхъ, до которыхъ должно дойти, тогда конечно наша роль кончится и наступитъ моментъ, когда народъ выйдетъ изъ своего спокойствія и тогда уже онъ заговоритъ съ министрами не тѣмъ языкомъ, какимъ мы говорили до сихъ поръ". — Такъ говорили *трудовики* и товарищи ихъ, но поразительно, что въ этотъ самый тонъ впадали и члены *конституціонно*-демократической партіи: „Не пора ли однако всѣмъ этимъ большимъ и малымъ правителямъ понять, что можетъ быть недалекъ тотъ моментъ, когда Г. Дума поставлена будетъ въ невозможность отвести занесенную надъ ними карающую руку разгнѣваннаго русскаго народа"!

Еще хуже было то, что ораторы помимо взыванія къ народу, для престижа *своей* власти, вдавались въ разсужденія о непосредственномъ *народовластіи*. „До 17 октября, поясняль одинъ ораторъ, русскимъ государствомъ управлялъ Государь черезъ министровъ; послѣ 17 окт. онъ призвалъ хозяина, русскій народъ, принять участіе въ *управленіи*" (!).

Другой ораторъ совѣтуетъ „привлечь къ разрѣшенію земельнаго вопроса *весь* народъ“—„немедленно завязать тѣ связи, которыя окончательно дадутъ возможность народу разъ навсегда понять, что его вопросъ, вопросъ жизненный земельный, находится въ вѣрныхъ рукахъ, потому что эти руки—его собственныя руки, руки народа, а не чьи-либо другія“.

Эти вожделѣнія *народовластія* иногда принимали, какъ это бываетъ въ подобныхъ случаяхъ—анархическій оттѣнокъ. „Развѣ бурный потокъ ждетъ пѣшехода, который желаетъ утолить свою жажду? Нѣтъ, мы идемъ туда, пѣшеходъ идетъ, но бурный потокъ идетъ по своему направленію“.

„Я нахожу, что наша обязанность должна состоять въ томъ, чтобы прислушиваться къ *волѣ* народа“. „Мы должны итти за пожаромъ, а не пожаръ за нами“.

Такія метафоры во славу анархіи были понятны въ устахъ депутата, привыкшаго имѣть на глазахъ зрѣлище бурныхъ горныхъ потоковъ. Но какъ объяснить, что профессоръ-юристъ нашелъ нужнымъ раскаяться передъ анархизмомъ? Возражая одному депутату соціалистической группы, онъ выразился слѣдующимъ образомъ: „Я позволю себѣ сказать такъ: хороша эта точка зрѣнія или дурна,

но во всякомъ случаѣ это точка зрѣнія анархическая. Анархизмъ есть тоже весьма почтенное политическое ученіе, которому можно дать мѣсто вездѣ, но во всякомъ случаѣ это не соціалъ-демократическая точка зрѣнія"!

Говорившему это было не безъизвѣстно, почему депутаты, которымъ онъ возражалъ, становились на анархическую точку зрѣнія:—потому, что она вела къ революціи, которой они добивались. Этой цѣли и должна была служить идея народовластія. „У насъ нѣтъ вѣры и мы вѣримъ только въ силу народа".—„Дальше такъ жить нельзя, сказалъ тотъ же ораторъ: и значитъ намъ, народу, въ силу необходимости, нужно взять всю судьбу въ свои руки и самимъ ее рѣшить". „Мы должны, говорилъ другой ораторъ, съ каждымъ нашимъ внесеннымъ законопроектомъ обращаться непосредственно къ нашему всевластному народу, которому вся власть принадлежитъ, потому что на его плечахъ вся власть держится... У насъ не желаютъ слушать, не хотятъ считаться съ волей народа". Подъ предлогомъ, что единственнымъ средствомъ оградить жизнь и имущество гражданъ „можетъ служить только вооруженіе самого народа", депутатъ соціалъ-демократической группы предлагалъ Г. Думѣ призвать населеніе „взять эту охрану въ

свои руки и дать отпоръ врагамъ народа". Изъ этой рѣчи профессоръ-юристъ могъ бы убѣдиться, что соціалъ-демократическая точка зрѣнія иногда уживается съ анархической!

Но принципъ народовластія подрывался и подъ самую Думу. „Народная Дума" воскликнулъ одинъ ораторъ и затѣмъ оговорился: „нѣтъ, Государственная Дума! Народная Дума будетъ потомъ". Но другой депутатъ былъ того мнѣнія, что время замѣнить Государственную Думу Народною уже наступило: „Для успокоенія народа необходимо замѣнить Думу тѣмъ учрежденіемъ, о которомъ мы мечтаемъ, даже тогда, когда не говоримъ этого".

Въ такой анархіи мыслей оказалось, что не только Народная Дума противоположна Государственной Думѣ, но что есть и особое *народное право*: „дѣло заключается въ томъ, что народъ мечтаетъ теперь не о писанномъ правѣ, а о правѣ народномъ. Бумажное право падаетъ подъ ноги любого городового. Мы всѣ это знаемъ. Народное право является функціей всего народнаго организма" [1]).

Въ другой разъ этотъ депутатъ сказалъ: „намъ указываютъ на необходимость держаться почвы

---

[1]) За неимѣніемъ офиціальнаго стенографическаго отчета по послѣднимъ двумъ засѣданіямъ, приводимъ это мѣсто по газетному отчету.

права, но мы тоже стоимъ на почвѣ права, только права народнаго".

Не менѣе чѣмъ *народомъ*, ораторы злоупотребляли въ Думѣ словомъ *революція*. Одни предостерегали отъ грядущей революціи; другіе, наоборотъ привѣтствовали ее, считая своею обязанностью содѣйствовать ей. „Неужели же правительство не видитъ того, что поднимается волна, страшная волна народнаго гнѣва, что эта волна можетъ достигнуть и тѣхъ высотъ, которыя до сихъ поръ считались недосягаемыми, что эта волна можетъ смыть то правительство, которое добровольно не хочетъ уйти"?

Другой ораторъ заявлялъ, что революція наступила: „Первое русское народное представительство живетъ и дѣйствуетъ въ періодъ революціи и стоитъ на порогѣ страшнаго революціоннаго урагана. Я знаю, что народъ и половина арміи стоитъ съ недоумѣніемъ передъ спокойствіемъ Государственной Думы и только ждетъ". (аплодисменты). Не обладая самъ такимъ спокойствіемъ, депутатъ предложилъ немедленно приступить къ революціи, но въ весьма оригинальной формѣ, свидѣтельствующей о путаницѣ понятій: „Держась манифеста 17 октября, опираясь на волю народа, выражаемую въ ежедневно получаемыхъ наказахъ, я думаю, что наступилъ

моментъ, когда Г. Дума должна принять въ свои руки временно исполнительную власть, хотя бы, какъ высказываются нѣкоторые крестьянскіе депутаты, предварительно получивши аудіенцію отъ Государя". Съ меньшими церемоніями проповѣдовали революцію депутаты, для которыхъ Г. Дума была только *этапомъ* къ революціи, которые видѣли назначеніе Г. Думы въ собраніи общественныхъ силъ, въ *мобилизаціи* ихъ. Перечисливъ рядъ выставленныхъ имъ требованій, одинъ депутатъ высказалъ, что осуществить ихъ можетъ „не нынѣшняя безправная Г. Дума, а полновластное учредительное собраніе, свободно избранное на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія безъ различія вѣры, пола и національности. Лишь такое учредительное собраніе, „опираясь на революціонныя народныя массы и, имѣя въ своей средѣ многочисленное и вліятельное представительство городского и сельскаго пролетаріата,—лишь оно будетъ имѣть и силу и охоту для проведенія въ жизнь преобразованій, необходимымъ народу".

Въ такомъ же смыслѣ говорилъ представитель и другой изъ лѣвыхъ группъ: „Никакіе широкіе законы, никакія высокія пожеланія, никакія предложенія не могутъ пройти здѣсь, пока не будемъ мы поддержаны организованной народной силой... Толь-

ко этимъ путемъ, единственнымъ путемъ, когда вокругъ Государственной Думы организуется подобная сила, и можно будетъ добиться конечныхъ завоеваній, можно добиться не только отмѣны министерства, упраздненія Государственнаго Совѣта, но и осуществленія въ полной мѣрѣ *народовластія*".

Не менѣе ясно высказалъ свою мысль нижеслѣдующій ораторъ: „Мы думаемъ, что Дума не является учрежденіемъ, въ достаточной степени уполномоченнымъ, которое въ состояніи продиктовать правительству и тѣмъ силамъ, которыя стоятъ противъ русскаго народа, свое собственное слово. Мы думаемъ, что Дума является фокусомъ, который сумѣетъ собрать народъ воедино, сумѣетъ сгруппировать за собою достаточныя силы, чтобы эти силы въ тотъ моментъ, когда столкновеніе сдѣлается неизбѣжнымъ, какъ ударъ парового молота, разнесли все, что передъ ними находится, что мѣшаетъ народу достигнуть счастья и благополучія, какъ онъ его понимаетъ. Такъ понимали Думу мы до сихъ поръ и отъ этого пониманія и теперь не отказываемся".

Говорилъ ли однако кто-нибудь *противъ* революціонной миссіи Государственной Думы? Тотъ самый депутатъ, который возражалъ противъ притязаній ораторовъ говорить отъ имени всего русскаго на-

рода. протестовалъ и противъ призыва къ революціи: „Насъ призываютъ на революціонный путь и говорятъ, что мы должны что-то продиктовать, что-то предписать и приказать. Я думаю, что я и многіе изъ моихъ товарищей пришли сюда съ цѣлью не революціонизировать страну, а съ цѣлью ее успокоить и я думаю, это достижимо только при спокойной, планомѣрной работѣ. Я долженъ замѣтить депутату, что на революціонный путь я съ нимъ не пойду“ (аплодисменты). Въ томъ же смыслѣ высказался, по иному поводу, и другой депутатъ. Относящіяся сюда его слова нѣсколько пространны, но очень поучительны, особенно для *законовѣдовъ* бывшей Думы. Возражая оратору, предлагавшему обращаться непосредственно къ всевластному народу, депутатъ заявилъ, что онъ „видитъ въ предложенныхъ способахъ, да простятъ мнѣ говорившіе—способы, являющіеся результатомъ, позволю себѣ выразиться, недостаточно яснаго представленія о томъ, что такое Дума. Говорившіе здѣсь вѣдь „законодатели“, вѣдь они издаютъ законы, т.-е. нормы, на которыхъ покоится вся жизнь страны и народа. И вотъ намъ самимъ идти противъ законовъ, идти вопреки нормъ, не замѣнивъ ихъ предварительно. Это значитъ идти путемъ не законодательнымъ, это значитъ—идти тѣмъ путемъ, которымъ

шелъ прежній режимъ, не зная границъ законности. Я думаю, что ораторы, указывающіе на Думу, только какъ на этапъ для революціи, говорили вполнѣ искренно и они убѣждены, что такъ смотрятъ ихъ избиратели, я долженъ сказать другое и убѣжденъ въ другомъ. Тѣ избиратели, которые вѣрились мнѣ, думаютъ иначе: ввѣряя мнѣ защиту ихъ правъ, они говорили, что мнѣ предстоитъ путь участія въ законодательномъ органѣ и только путемъ законопроектовъ, путемъ отмѣны тѣхъ законовъ, которые связываютъ по рукамъ и ногамъ нашу дѣятельность, только этимъ путемъ уполномочивали они меня на борьбу со старымъ режимомъ. Исторія рѣшитъ, что ждетъ впереди Россію. Но сейчасъ я считаю себя обязаннымъ сказать, что такова была воля моихъ избирателей. Внѣ сомнѣнія, каждый избранный ляжетъ здѣсь костьми за ту идею, которую онъ исповѣдуетъ, но я думаю, что ложиться костьми за революціонный путь меня въ данный моментъ мои избиратели не уполномачивали".

Но такъ говорили не многіе. И какъ же отозвались на революціонныя рѣчи ораторы самой многочисленной и руководившей Думою партіи?—Они молчали, — к.-д. партія молчала, когда надо было осудить именемъ Г. Думы участившіеся грабежи и убійства въ городахъ, погромы и подкоги въ

деревняхъ! Она молчала, когда въ стѣнахъ Таврическаго дворца стали призывать всевластный народъ непосредственно взять свое дѣло въ свои руки! Думали ли ея вожди, когда наступитъ катастрофа, сказать народу „подожди“, а власти: „смѣнись“ и взять дѣло народа въ *свои* руки?—Исторія это рѣшитъ, какъ сказалъ приведенный выше депутатъ. Молчалъ и спеціалистъ по англійскому парламентаризму, при всякомъ случаѣ выставлявшій его въ образецъ! Много было имъ сообщено въ назиданіе разныхъ фактовъ изъ англійской исторіи отъ Вильгельма Завоевателя до Георга III, со времени котораго „въ Англіи установилось правило, соблюдаемое строго, правило, что никто въ стѣнахъ парламента не можетъ ссылаться на мнѣнія и желанія монарха, такъ какъ признано, что единственнымъ выразителемъ этихъ мнѣній и желаній является министерство до тѣхъ поръ, пока оно остается у дѣлъ“. Но если выставлять въ образецъ такой обычай, хотя онъ въ Англіи вынѣ основанъ на фикціи, то въ Россіи, гдѣ министры на самомъ дѣлѣ выражаютъ волю монарха, слѣдовало громко протестовать противъ раздававшихся въ Думѣ упрековъ, что министерство *прикрывается* именемъ монарха, что оно стало стѣною между народомъ и монархомъ и т. п. А еще сильнѣе долженъ былъ по-

клонникъ англійскихъ образцовъ протестовать противъ воззванія къ „всевластному народу“ и противъ призыва идти революціоннымъ путемъ! Это совсѣмъ уже не въ обычаѣ англійскаго парламентаризма!

Но вѣдь подражательность ведетъ всегда только къ заимствованію формъ безъ вниманія къ условіямъ, придающимъ этимъ формамъ смыслъ. Это обнаружилось и въ данномъ случаѣ. Когда думская комиссія 33-хъ внесла свой законопроектъ о свободѣ собраній, лѣвая осталась имъ очень недовольна, находя, что онъ, лишь условно разрѣшая собранія на площадяхъ и улицахъ и вовсе воспрещая ихъ на полотнѣ желѣзныхъ дорогъ, нарушаетъ права державнаго народа собираться, гдѣ ему угодно. Ораторы кадетовъ защищали проектъ. Одинъ изъ нихъ отстаивалъ своихъ товарищей противъ упрека, „что мы не довѣряемъ народу, что мы его боимся, что мы не желаемъ народовластія, что мы надъ народомъ хотимъ поставить другую какую-то власть“, но все-таки поддерживалъ законопроектъ противъ союзниковъ. Вдругъ на выручку послѣднихъ выступилъ спеціалистъ по англійскому праву. Съ помощью этого права онъ разрѣшалъ очень просто вопросъ, можно ли свободно собираться на улицахъ и на полотнѣ желѣзныхъ дорогъ.

„Въ Англіи и Америкѣ, сказалъ онъ, въ теченіе 200 лѣтъ вопросъ о правѣ собраній рѣшается положительно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ намъ предлагали рѣшить его члены недавно образовавшейся у насъ партіи соціалъ-демократической. Въ Англіи не существуетъ даже особаго права собраній, а считается, что это право присуще каждому гражданину, такъ какъ оно составляется изъ двухъ правъ, права свободнаго перемѣщенія и права свободы рѣчи. Соедините эти два права и вы получите право собраній". Хотя спеціалисту можно было бы повѣрить и на слово, онъ все-таки сослался и на книгу Дайси, „англійскаго профессора объ англійской конституціи, переведенную русскимъ, нынѣ также Оксфордскимъ профессоромъ: вы найдете тамъ, что извѣстно всякому, кто занимался государственнымъ правомъ"...

На слѣдующій день, по справкамъ, посыпались поправки! Одинъ изъ депутатовъ к.-д. партіи сообщилъ, что въ книгѣ Дайси сказано: „Думаютъ, будто сады, улицы и дороги, которыми каждый имѣетъ законное право пользоваться, во всякомъ случаѣ могутъ служить мѣстомъ собраній. Это мнѣніе совершенно невѣрно". Другой депутатъ той же партіи объявилъ, что онъ былъ повергнутъ въ величайшее изумленіе словами, сказанными въ пред-

шествующемъ засѣданіи. „Какъ объяснить эту странную ошибку знаменитаго ученаго? Можетъ быть ошибка въ томъ, что въ книгѣ Дайси о свободѣ собраній говорится въ началѣ книги, въ одной главѣ, а что касается ограниченій свободы собраній и правъ, принадлежащихъ полиціи, то объ этомъ говорится въ концѣ книги, въ приложеніи 5-мъ? Можетъ быть почтенный депутатъ, профессоръ, просто не имѣлъ времени дочитать книгу до конца и не дочиталъ ея? Если бы онъ это сдѣлалъ, то его рѣчь была бы иная и онъ снискалъ бы менѣе аплодисментовъ слѣва, но зато далъ бы болѣе вѣрное представленіе объ англійскомъ правѣ и англійской практикѣ относительно свободы собраній".

Но гораздо важнѣе, чѣмъ эта библіографическая справка, *общее поученіе*, заключавшееся въ рѣчи перваго изъ упомянутыхъ выше критиковъ, спеціалиста по англійскому государственному праву: „Въ Англіи нѣтъ закона о собраніяхъ потому, что въ Англіи всѣ законы вообще, всѣ свободы зиждутся не на письменномъ законѣ. Тамъ нѣтъ также закона *писаннаго* въ области гражданскаго и уголовнаго кодекса, а между тѣмъ тамъ не совершается преступленій больше, чѣмъ въ другихъ странахъ и тамъ честнѣе расчитываются по гражданскимъ сдѣлкамъ. Это дѣло культуры, дѣло обычая. Если

бы профессоръ далъ рецептъ для того, чтобы мы сейчасъ продѣлали эту тысячелѣтнюю культуру, то я бы согласился, но намъ некогда ждать“!

Прекрасныя слова, совершенно вѣрно утверждающія, что законы въ зависимости отъ культуры и должны соотвѣтствовать степени культурности народа.—Слова, подрывающія въ корнѣ слѣпую подражательность... Но они были бы еще прекраснѣе, если бы ораторъ, высказавшій ихъ, обобщилъ ихъ смыслъ и обратился съ ними и къ членамъ своей собственной партіи. Въ эпоху, когда дѣтей въ школахъ научаютъ понятію *эволюціи*, когда имъ говорятъ, что міръ произошелъ эволюціоннымъ образомъ, что все живое подчинено законамъ эволюціи, они захотѣли, чтобы Имперія, созданная вѣковымъ абсолютизмомъ, сразу бухнулась въ чистѣйшій англійскій парламентаризмъ, да еще опирающійся на союзъ съ трудовиками и соціалъ-демократами! Но *имъ некогда ждать*!

А союзъ этотъ былъ такъ шатокъ, что во все время думскихъ засѣданій давалъ трещины и противники, которыхъ кадеты хотѣли имѣть союзниками, сплошь да рядомъ обращались изъ союзниковъ въ противниковъ. На самомъ дѣлѣ „союзники“ расходились между собою какъ въ политическихъ, такъ и въ экономическихъ принципахъ и, наконецъ, въ

способахъ ихъ примѣненія. Кадеты были централисты, ихъ союзники-противники были анархистами, *въ теоретическомъ* смыслѣ этого слова, а иногда и въ практическомъ. Кадеты, довольствуясь пока положеніемъ, которое они заняли въ Г. Думѣ, заботились о поддержаніи ея авторитета; союзники взывали къ Народной Думѣ, избранной на основаніи „четырехчленной“ формулы. Кадеты, стремясь къ радикальному разрѣшенію аграрнаго вопроса, не сходили съ почвы гражданскаго права и при принудительномъ отчужденіи допускали (въ теоріи?) „справедливую“ оцѣнку. Ихъ противники въ этомъ вопросѣ не пожелали быть союзниками и становились на почву *захватнаго права*. Кадеты хотѣли сохранить способъ рѣшенія земельнаго вопроса въ своихъ рукахъ, ихъ противники хотѣли передать его въ руки мѣстной толпы. Всѣ эти противоположности сразу обнаружились, когда приступили къ разсмотрѣнію аграрнаго вопроса. Это былъ большой козырь въ рукахъ кадетской партіи, причемъ она изъ политики до конца скрывала свои карты, не объявляя того количества десятинъ, котораго не должно было коснуться принудительное отчужденіе. Была организована аграрная комиссія и на ея обсужденіе переданы кадетскіе законопроекты. Союзники, которыхъ въ комиссіи было только

6 человѣкъ, рѣшились перекозырять своихъ друзей. За подписью 35 депутатовъ они внесли въ Г. Думу *заявленіе* по аграрному вопросу. Заявленіе гласило, что законъ о землѣ можетъ быть изданъ только полноправной Народной Думой, избранной всеобщимъ, равнымъ и т. д. голосованіемъ и 2) что представленныя въ Государственной Думѣ партіи должны немедленно же представить на судъ страны всѣ принимаемые ими способы рѣшенія. Первый же параграфъ приложеннаго къ *Заявленію* проекта устанавливалъ, что всякая частная собственность на землю въ предѣлахъ Россійскаго Государства отнынѣ совершенно уничтожается. Далѣе было сказано, что народная власть, избранная „по формулѣ" „устанавливаетъ правила о пользованіи землею и всѣми ея благами" и затѣмъ излагались *основныя* правила, которымъ должно было слѣдовать „Народное Правленіе", *распоряжаться* же должны были мѣстныя думы!.

Заявленіе было внесено уже въ засѣданіи 26 мая и тогда же иниціаторы и защитники его ясно высказали, насколько они расходятся съ тѣми, которые хотѣли ими пользоваться, какъ союзниками. Одинъ изъ нихъ указалъ, что „нормы общи и для нашего законопроекта и для законопроекта Народной Свободы, но отношеніе къ методу рѣшенія зе-

мельпаго вопроса далеко не одпнаково, я сказалъ бы, *діаметрально*-противоположно. Мы полагаемъ, что мѣстнымъ комитетамъ приходится предоставлять не право нѣкоторыхъ видоизмѣненій, а дѣйствительное реальное право дать намъ необходимыя данныя, изъ которыхъ мы или наши преемники могли бы выработать нормы“ и т. д.

Еще яснѣе обнаружилась *діаметральная противоположность* въ воззрѣніяхъ—въ вопросѣ „о справедливой оцѣнкѣ“. „Не принимая этого термина, ораторъ сказалъ: „Мнѣ кажется ненормальнымъ соединить термины „этическій“ съ „экономическимъ“. Я понялъ бы оцѣнку сообразно съ мѣстными условіями, съ условіями историческими, но „справедливой оцѣнки“—оцѣнки, которую нужно по справедливости дать—ни я, ни тѣ тысячи думъ, которыя мы хотимъ вызвать, никогда не примутъ, потому что справедливости въ оцѣнкѣ быть не можетъ. „Оцѣнка“ терминъ рынка и нормируется рыночными условіями. Справедливость—терминъ моральный и ничего общаго съ рынкомъ не имѣетъ“.—Яснѣе говорилъ другой ораторъ той же группы, по поводу „священнаго права собственности на землю“: „Мы уже знаемъ, что нѣтъ права выше воли народной, нѣтъ ничего священнѣе народныхъ желаній“. Но всего яснѣе выразился объ аграрномъ вопросѣ слѣ-

дующій депутатъ. Онъ слыхалъ, что „матушка Екатерина щедро наградила графа Орлова-Давыдова землями по Волгѣ“. „Вполнѣ допускаю, продолжалъ онъ, что этотъ графъ получилъ эти земли за службу, но вѣдь нынѣ землями этими владѣютъ потомки графа Орлова-Давыдова, которые никакой, можетъ быть, ни службы, ни дружбы никому не оказывали и оказывать не обязаны. Нынѣ почти всѣ признаютъ, что для того, чтобы крестьяне не голодали, землю у потомковъ графа Орлова-Давыдова, заслужившаго ее, слѣдуетъ взять и отдать крестьянамъ. Но скажите, пожалуйста, слѣдуетъ ли за эту землю заплатить потомкамъ, хотя бы графа Орлова-Давыдова, или съ нихъ взыскать за несправедливое владѣніе этой землею въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ“?

Заявленіе обсуждалось въ двухъ засѣданіяхъ и затѣмъ было отдано для напечатанія. Недѣли почти двѣ спустя оно было роздано въ печатномъ видѣ и снова сдѣлалось предметомъ преній. Противъ него выступилъ одинъ изъ вождей кадетовъ, предлагая не передавать его въ аграрную комиссію, а просто отвергнуть. Завязались пренія; мы за ними слѣдить не будемъ, но отмѣтимъ по этому поводу, что ораторы съ обѣихъ сторонъ иногда наносили другъ другу жесточайшую въ ихъ устахъ обиду,

заявляя, что ихъ противники играютъ въ руки министерству. „Я нахожу, сказалъ однажды одинъ изъ трудовиковъ, что по существу нѣкоторые думскіе ораторы говорили то же, что и министры—министры, лишенные довѣрія Государственной Думы. Нѣкоторые опасались вмѣстѣ съ Стишинскимъ, не останутся ли мужики безъ заработка“ и т. д. Съ другой стороны, кадетскій ораторъ, критикуя заявленіе, указалъ, что проекты, переданные въ аграрную комиссію уже вызвали со стороны министерства попытки использовать настроеніе народа во вредъ аграрной реформы. Такія же послѣдствія имѣла бы и передача въ комиссію „проекта трудовиковъ“. „Вѣдь это дѣйствительно дало бы основаніе для упомянутой въ высшей степени вредной, идущей въ разрѣзъ съ самой насущной нуждой, агитаціи“. Кончилось тѣмъ, что предложеніе передать проектъ трудовиковъ въ аграрную комиссію было отвергнуто большинствомъ 140 противъ 78, т.-е. проектъ союзниковъ былъ забракованъ кадетской партіей.

За проектъ высказалось однако 78 депутатовъ, т.-е. вдвое больше, чѣмъ число подписей подъ нимъ. Значитъ за него высказалась и другая группа лѣвыхъ. Но эта группа стояла еще дальше отъ кадетовъ, чѣмъ трудовики. Эта группа въ лицѣ своего вождя заявила, что—„сознавая свою соли-

дарность, свое единеніе съ тѣми стремленіями другихъ классовъ, которыя направлены къ достиженію политической свободы и равенства, рабочій классъ не можетъ однако слиться въ одну нераздѣльную армію съ этими другими классами. Слiяніе рабочаго класса съ классомъ эксплуататоровъ и другими слоями, хотя и угнетаемыми, но поставленными въ другое положеніе, не только ослабило бы борьбу рабочаго класса за неограниченную политическую свободу, но и сдѣлало бы невозможной борьбу пролетаріата за его конечную цѣль— соціализмъ".

Подобное же столкновеніе между кадетской партіей и лѣвыми произошло, какъ мы уже упоминали, по поводу законопроекта о свободѣ собраній.

Несмотря однако на эту разъединенность своей арміи, вожди кадетовъ повели ее въ генеральное сраженіе. Численность ея была такова: изъ зачисленныхъ по 5 іюня 457 депутатовъ насчитывалось кадетовъ 177, лѣвыхъ 102, партіи демократическихъ реформъ 8, 66 безпартійныхъ, 62 автономиста, 42 умѣренныхъ. Кадеты, значитъ, вмѣстѣ съ лѣвыми, имѣли въ своемъ распоряженіи 279 голосовъ, т.-е. на одну девятую больше половины. Но оказалось, что они не могли расчитывать даже на всѣ голоса своей собственной партіи, что между

ними самими въ пылу сраженія произошелъ расколъ.

Поводомъ къ рѣшительному сраженію послужило „правительственное сообщеніе“ отъ 20 іюня, въ которомъ министерство предупредило сельское населеніе въ виду начавшихся погромовъ, что правительство считаетъ недопустимымъ принудительное отчужденіе частной поземельной собственности для надѣленія малоземельныхъ. Въ кругу вождей к.-д. партіи зародилась мысль противопоставить этому сообщенію „исполнительной власти“ „обращеніе къ народу“ со стороны „высшей законодательной власти“ и съ этою цѣлью былъ внесенъ въ Г. Думу спѣшный запросъ министерству, подписанный 116 членами ея, въ числѣ которыхъ было не мало союзниковъ. Первый, говорившій по запросу ораторъ слѣдующимъ образомъ изобразилъ свое отношеніе къ предмету запроса: „Когда я, человѣкъ уравновѣшенный и уже не очень молодой, прочелъ это сообщеніе, то, не скрою, я впалъ въ состояніе бѣшенства—иначе я не могу назвать того душевнаго состоянія, которое меня въ тотъ моментъ охватило“. Это заявленіе весьма характерно и, судя по рѣчамъ, не только для лица говорившаго.

Но бѣшенство плохой совѣтчикъ и на всю затѣю легла братоубійственная Каинова печать, консти-

туціонная маска спала и проявился революціонный обликъ.

Послѣ преній было постановлено запросъ передать въ комиссію 33 на общемъ основаніи для редактированія его, а кромѣ того поручить аграрной комиссіи представить проектъ „сообщенія“ отъ Государственной Думы.

Роковой проектъ былъ составленъ, напечатанъ и роздань членамъ Думы передъ знаменательнымъ засѣданіемъ во вторникъ 4 іюля.

Слово просилъ „по порядку дня“ тотъ юристъ, членъ к.-д. партіи, который прославился своей рѣчью по аграрному вопросу противъ аграрной политики кадетовъ. Теперь, указавъ на „только что розданный докладъ и на то, что дѣло идетъ о такомъ важномъ и чрезвычайномъ актѣ со стороны Государственной Думы—обращеніи къ народу, которое должно быть взвѣшено и обдумано до послѣдняго слова, до послѣдней запятой, ораторъ предложилъ отложить обсужденіе доклада до четверга. „У меня возникаютъ сомнѣнія по существу, можемъ ли мы дѣлать народу сообщенія по земельному вопросу, можемъ ли обращаться къ нему? (*шумъ, голоса*: конечно можемъ). Я считаю, что обращеніе къ народу является актомъ столь чрезвычайнымъ, что я хочу обосновать свое сомнѣніе“.

Но предсѣдатель прервалъ оратора и просилъ его говорить только по порядку дня. И хотя другой еще депутатъ заявилъ, что „проектъ обращенія сталъ извѣстенъ большинству только сейчасъ“ — было рѣшено — по пословицѣ: куй желѣзо, пока горячо — не давать времени депутатамъ одуматься передъ Рубикономъ и приступлено къ обсужденію текста *обращенія къ народу*. Завязавшіяся прeнія, продолжавшіяся до полуночи, интересны не только потому, что въ нихъ выяснилась сущность вопроса, но обнаружились и разногласія среди руководившей Думою партіи.

Предсѣдатель комиссіи, представившей докладъ, мотивировалъ „обращеніе къ народу“ критикой „правительственнаго сообщенія“, въ которомъ онъ усматривалъ „не только неосторожную, но преступную попытку внести смуту въ умы населенія“. „Въ первый разъ, полагалъ онъ, не только въ Россіи, но, можетъ быть, и въ другихъ странахъ исполнительная власть выступаетъ на войну съ оружіемъ въ рукахъ (?) противъ законодательнаго учрежденія“.

Ораторъ, который раньше повѣдалъ, въ какое психическое состояніе его повергло сообщеніе, призналъ, что шагъ, который имѣетъ въ виду сдѣлать Г. Дума, исключительно важный. „Онъ, не

буду оспаривать, быть можетъ, не находитъ полнаго оправданія въ теоретическомъ конституціонализмѣ, но не въ этомъ дѣло. Опять-таки, вѣдь мы живемъ въ такую исключительную минуту, когда необходимость быть можетъ, заставляетъ отступать отъ теоріи".

Необходимость эту ораторъ мотивировалъ тѣмъ, что сельское населеніе *анархизировано*; онъ просилъ своихъ слушателей вспомнить деревенскіе выборы. „Скажите, кто не вынесъ впечатлѣнія, что населеніе анархизировано до послѣдней степени? Нѣтъ уваженія къ власти, къ власти, какъ таковой".

Поразительная аргументація и своеобразная политическая тактика! анархію лечить анархіей! въ *анархизированное* до послѣдней степени населеніе бросать призывъ къ анархіи!

За кадетскими ораторами потянулись и представители лѣвой, которые въ этой стадіи вопроса шли съ кадетами. Ихъ безсвязное краснорѣчіе отличалось по крайней мѣрѣ большою откровенностью. Если вождь кадетовъ оправдывалъ обращеніе „необходимостью поднять среди народа авторитетъ Думы, ораторъ „трудовиковъ" привѣтствовалъ „обращеніе" потому, что если Г. Дума не желаетъ стать такимъ же мертвымъ учрежденіемъ, какъ всѣ бюрократическія учрежденія, то она долж-

на ежедневно—ежечасно прислушиваться къ *голосамъ* народной воли и немедленно ихъ выполнять". „Требованіе непосредственнаго *обращенія* Г. Думы къ народу несется отъ всѣхъ слоевъ населенія съ перваго дня. Дума проявила чрезвычайно много осторожности во многихъ случаяхъ; многіе ея члены искренно желали бы оставаться въ строго парламентарныхъ формахъ работы. Этотъ медленный путь несомнѣнно былъ бы хорошъ при другихъ условіяхъ, но онъ невозможенъ теперь, когда „вверху продолжаютъ оставаться тѣ власти, которые были отъ имени народа объявлены преступниками, убійцами и палачами русской жизни".

Ораторъ оговорился: „Я можетъ быть слишкомъ преувеличилъ", но на замѣчаніе предсѣдателя, что „отъ имени народа такъ объявлено не было" возразилъ: „мы — народные представители и отъ значительной части народа имѣемъ право говорить". Значитъ депутатъ не понялъ замѣчанія предсѣдателя, и такіе-то политики претендовали на отвѣтственность министровъ *передъ ними!*

Въ дальнѣйшей части своей рѣчи депутатъ развилъ *классическую* въ своемъ родѣ теорію революціи. Онъ сталъ возражать противъ мнѣнія, что *обращеніе* „вызоветъ новыя волненія, сыграетъ чуть ли не роль „революціоннаго акта". Напрасно.

„Когда мы здѣсь обращаемся къ народу, мы не будемъ призывать его ни къ возстаніямъ, ни къ погромамъ, потому что это умѣетъ устроивать другая власть, старая! Мы идемъ другимъ путемъ, по возможности мирнымъ, по возможности спокойнымъ, но не въ томъ смыслѣ спокойнымъ, чтобы сложить руки и мирно ждать. Не миръ и тишину, въ этомъ идиллическомъ, пошехонскомъ смыслѣ должна Дума призывать,—нѣтъ, она должна объяснить, что съ помощью этой тишины и спокойствія правительство ведетъ русскій народъ въ узкомъ смыслѣ къ революціи, къ анархіи. Мы понимаемъ революцію въ широкомъ смыслѣ, въ смыслѣ полнаго переустройства государственной жизни, и въ этомъ смыслѣ мы призываемъ народъ къ борьбѣ.

Въ этомъ смыслѣ мы говоримъ: „Нѣтъ, народъ, не будь спокоенъ и тихъ, не жди мирно, что ты когда-нибудь получишь что-нибудь сверху“...

Въ заключеніе ораторъ сказалъ, что „нужно подчеркнуть и въ концѣ *обращенія* высказать ту мысль, что не миръ и спокойствіе, а организованная поддержка можетъ вывести народъ на настоящую освободительную дорогу. Не нужно отъ имени Думы давать обѣщанія, что если населеніе будетъ спокойно ожидать, то все будетъ сдѣлано по желанію народа; но, съ другой стороны, мы знаемъ,

что когда будетъ не спокойно въ странѣ въ широкомъ революціонномъ смыслѣ, когда будетъ организованная поддержка, когда народъ сплотится вокругъ Думы, она добьется настоящаго земельнаго и другихъ законовъ“ (бурные аплодисменты).

Но какъ будто сквозь этотъ туманъ революція проступала недостаточно ясно, одинъ изъ слѣдующихъ ораторовъ поспѣшилъ выразиться яснѣе. Признавая *правительственное сообщеніе* „открытымъ выступленіемъ правительства на бой съ народнымъ представительствомъ“ онъ заявилъ—„и мы должны, не сходя съ этой каѳедры, принять бой и отвѣтить тѣмъ же оружіемъ“; но онъ сознался, что „не только этотъ актъ послужилъ поводомъ къ *обращенію*. „Вѣдь давно положеніе наше непосильно тяжелое, всѣ мы видимъ свое безсиліе остановить преступленія правительства“ и т. д. Онъ сознавался также, что, „актъ обращенія къ странѣ есть актъ не предусмотрѣнный конституціей и можетъ быть даже шагъ революціонный“.—Но, господа, когда населеніе провожало насъ въ Государственную Думу, оно задавало намъ вопросъ, а что мы станемъ дѣлать, если правительство будетъ мѣшать нашимъ занятіямъ?

Многіе изъ насъ отвѣчали: намъ тогда остается одинъ исходъ—апеллировать къ народу. Смѣю думать, что часъ этотъ нынѣ пробилъ“!

„*Обращеніе*, заключилъ онъ, расколетъ теперешнюю власть на двѣ и съ сегодняшняго дня передъ народомъ встанутъ двѣ силы, двѣ власти: власть бюрократіи и власть народныхъ представителей; единство нарушается и это создаетъ такое положеніе, при которомъ пребываніе у власти нынѣшняго министерства сдѣлается немыслимымъ“.

Нельзя сказать, чтобы умѣренные члены Думы въ этотъ моментъ не исполнили своего долга передъ страной.

Цѣлый рядъ ораторовъ выступилъ противъ предложеннаго *обращенія* къ народу. Еще при обсужденіи вопроса объ отсрочкѣ преній, одинъ изъ нихъ отстаивалъ отсрочку, чтобы дать каждому изъ членовъ Думы возможность рѣшить сознательно и освѣдомленно этотъ важнѣйшій изъ шаговъ, предпринятыхъ Государственной Думой—актъ такой важности, впервые Думой предпринимаемый, первое активное движеніе Думы! Другой депутатъ, „не защищая министровъ, опубликовавшихъ правительственное сообщеніе“, просилъ своихъ товарищей представить себѣ, въ какое положеніе они поставятъ теперь населеніе, когда оно получитъ ихъ *обращеніе*! Говорятъ, что это дѣлается для его успокоенія. Но какое же успокоеніе можетъ дать это „выколачиваніе одного авторитета другимъ“?

Еще одинъ критикъ обращенія заявилъ, что онъ не возразилъ противъ *запроса*, какой имѣлся первоначально въ виду, но въ засѣданіи 26-го онъ получилъ впечатлѣніе, что какъ первый ораторъ, говорившій по этому вопросу, „такъ и слѣдующіе за нимъ въѣхали полнымъ ходомъ, полнымъ паромъ, на ложный путь и заѣхали въ тупикъ". И потому, поставивъ вопросъ, вызвана ли дѣйствительно правительственнымъ сообщеніемъ необходимость возраженія, ораторъ цѣлымъ рядомъ аргументовъ доказывалъ противное. Декларація 20 іюня не первая; первая была принята въ Думѣ сравнительно равнодушно; хотя новая декларація болѣе благоразумна, чѣмъ первая, гораздо болѣе умѣренна и представляетъ, какъ бы подъ вліяніемъ Г. Думы—отступленіе министерства отъ его безусловно отрицательной точки зрѣнія—она вызвала взрывъ негодованія и считается *провокаціей*, на которую необходимо возразить; такое возраженіе, однако, теперь опоздало; впечатлѣніе, произведенное декларацією, въ извѣстномъ смыслѣ уже миновало, какъ это засвидѣтельствовано въ Думѣ самыми ярыми сторонниками доведенія конфликта съ министерствомъ до крайности. Конечно, разносить министерство—занятіе очень пріятное, иногда даже полезное, но многіе придерживаются того убѣжденія, что министерство

давнымъ давно само съ нами разсталось-бы, если бы слишкомъ пылкія и горячія рѣчи, произносимыя здѣсь съ этой каѳедры, не удерживали его искусственно при жизни".

Другой не менѣе сильный аргументъ противъ умѣстности *обращенія* къ народу былъ заимствованъ ораторомъ изъ существа вопроса, котораго оно касалось—земельнаго вопроса. „Многіе въ Думѣ полагаютъ, что аграрный вопросъ рѣшенъ, что окончательно рѣшена участь частной земельной собственности, что на этомъ учрежденіи виднѣется зловѣщая надпись: *мани, тэкелъ, фаресъ*!" Между тѣмъ, по словамъ оратора, подкрѣпленнымъ примѣрами, оказывается, что въ самой аграрной комиссіи вопросъ не приведенъ въ ясность. Если такое еще смутное пониманіе вопроса господствуетъ въ средѣ членовъ Думы, то что же оно должно произвести тамъ", гдѣ нераздѣльно царствуетъ власть тьмы, гдѣ наши неполныя, неясныя предположенія будутъ объясняться въ деревенской глуши самозванными, не всегда доброжелательными и не всегда добросовѣстными комментаторами". Говорившій ораторъ привелъ по этому случаю поразительный примѣръ того, какъ быстро и вредно отражаются на практикѣ разныя предположенія, высказываемыя въ Думѣ. Въ запискѣ 42-хъ было сказано, что

земли подъ садами и огородами не должны подлежать отчужденію. Какъ бы въ отвѣтъ на это, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ погромы начались какъ разъ съ садовъ и огородовъ.

При такихъ условіяхъ *обращеніе*, какъ оно предположено со стороны аграрной комиссіи, вызоветъ только еще большую смуту (*шумъ, волненіе*) „будетъ такъ понято, что вся земля уже передана“.

„Мы желаемъ нанести ударъ министерству, заключилъ ораторъ, однако надо обратить вниманіе на то, чтобы не нанести одновременно удара родинѣ. Конечно, первымъ закономъ долженъ быть справедливый законъ объ удовлетвореніи земельной нужды крестьянъ, однако въ пустыхъ воззваніяхъ, декларацiяхъ, страна не нуждается, она наслушалась ихъ уже довольно“.

Но предсѣдатель не потерпѣлъ такой критики еще *обсуждаемаго* Думою проекта: „Ораторъ, сказалъ онъ, я останавливаю васъ за слова пустыя воззванія“; а чей-то „голосъ“ прозвучалъ: „возьмите назадъ эти слова“.

Но обидчивымъ ревнителямъ *обращенія* пришлось не то еще выслушать и притомъ отъ видnаго представителя кадетской партіи. Тотъ самый депутатъ, который предлагалъ отсрочить обсужденіе, получилъ возможность указать, что его опасенія оправ-

дались, и что если бы послѣдовали его совѣту, лѣвыя партіи голосовали бы *противъ* проекта, не желая компрометировать Думы.

Касаясь конституціоннаго вопроса, ораторъ призналъ, что предлагаемое обращеніе къ народу не соотвѣтствуетъ конституціоннымъ началамъ вообще и русской конституціи въ особенности. Онъ добавилъ, что можетъ, правда, представить себѣ такое положеніе дѣла, при которомъ, можетъ быть, сочтетъ необходимымъ обратиться къ столь чрезвычайному и ненормальному съ конституціонной точки зрѣнія средству, какъ непосредственное обращеніе одной изъ палатъ къ народу.

„Но я представляю себѣ такое обращеніе, какъ актъ великой важности, какъ обращеніе съ новымъ и великимъ словомъ для достиженія великаго эффекта, великой цѣли. И вотъ съ этой точки зрѣнія меня прежде всего поражаетъ крайнее несоотвѣтствіе между характеромъ задуманнаго акта, обращеніемъ Думы къ народу, ко всѣмъ народамъ, населяющимъ Имперію, и тѣмъ, что въ этомъ обращеніи говорится“.

Входя въ подробности, ораторъ указалъ, что въ *обращеніи* не сообщается ничего новаго и, что его содержаніе не соотвѣтствуетъ принятымъ въ аграрной комиссіи началамъ, возбуждаетъ ложныя

представленія. Кромѣ того, работы аграрной комиссіи еще такъ мало подвинулись, что похвалиться особенно нечѣмъ. Притомъ отъ этихъ предположеній еще очень далеко до обращенія ихъ въ законъ конституціоннымъ путемъ.

Какая же можетъ быть при этихъ условіяхъ цѣль *обращенія*?—Если цѣль состоитъ въ *разъясненіи*, то она можетъ быть достигнута лучше иными средствами, если цѣль—успокоеніе народа, то скорѣе будетъ достигнутъ противоположный результатъ. Здѣсь говорилось о поднятіи авторитета Думы; но „это меня и волнуетъ, заявилъ ораторъ, что мы подвергаемъ умаленію авторитетъ Думы и ея актовъ путемъ шумнаго по формѣ и мелкаго по содержанію обращенія къ народу“.

За этою рѣчью послѣдовала новая неожиданность. Другой ораторъ, той же партіи, обрушился съ иной точки зрѣнія на проектъ *обращенія*. Онъ отмѣтилъ, что въ дѣятельности Г. Думы совершается „новый шагъ по новому пути“, что внесенное предложеніе не оправдывается ни съ точки зрѣнія закона, ни съ точки зрѣнія и формы, „но мы сюда пришли не во имя формы, а во имя блага народнаго“. Однако пути, которые для этого изберетъ Дума, должны быть *цѣлесообразными*. Съ этой стороны ораторъ находилъ *обращеніе* неудовлетво-

рительнымъ. Онъ находилъ „угрозу положенію Г. Думы“ не столько въ упорствѣ министерства, сколько въ анархическомъ движеніи, которое охватываетъ все болѣе и болѣе страну. Соглашаясь съ однимъ изъ своихъ предшественниковъ, ораторъ заявилъ, что страна дѣйствительно ждетъ отъ Г. Думы *слова*. „Но именно потому нельзя не сказать, что то *обращеніе*, воскликнулъ ораторъ, которое лежитъ у меня подъ руками, является ничтожнымъ по своему содержанію и по тѣмъ цѣлямъ, которыя оно намѣчаетъ“ (аплодисменты).

Эти аплодисменты являются интереснымъ симптомомъ. За выраженіе „пустое воззваніе“ депутатъ *правой* былъ остановленъ предсѣдателемъ и *голосъ* потребовалъ, чтобы онъ взялъ эти слова назадъ, а за слова—о томъ же *обращеніи*: „ничтожно“ по содержанію и по цѣлямъ, ораторъ болѣе многочисленной партіи былъ награжденъ рукоплесканіями.

Ораторъ находилъ, что *обращеніе* не даетъ отвѣта на самые существенные запросы жизни, „является какъ бы мимоходомъ сказаннымъ словечкомъ“. „Лучше уже ничего не посылать, чѣмъ *это*“... „Быть можетъ уже теперь нужно Г. Думѣ заняться выработкой *обращенія*, а можетъ быть *манифеста* къ народу (*бурные аплодисменты*) и въ этомъ манифестѣ обрисовать положеніе страны и указать на

грозящую анархію и на стремленіе Думы успокоить страну, удовлетворить народныя требованія", (*громъ аплодисментовъ*), но предлагаемымъ *обращеніемъ* мы только испортимъ свое собственное положеніе". Ораторъ закончилъ предложеніемъ, если уже настоятельно нужно отвѣтить на то, что министерство писало въ „правительственномъ сообщеніи", то просто сдѣлать переходъ къ очереднымъ дѣламъ, „постановивъ выработать одновременно *обращеніе* къ народу".

Эти страстныя рѣчи за и противъ *обращенія*— изъ одного и того же лагеря, вызвали въ немъ значительную разноголосицу, отражавшую въ себѣ темпераментъ говорившихъ. Болѣе мягко настроенные старались смягчить впечатлѣніе, произведенное *обращеніемъ*, доказывали, что ни о какомъ новомъ пути нѣтъ рѣчи, что *обращеніе* не противорѣчитъ конституціи и не призывъ къ революціи, а имѣетъ лишь значеніе *освѣдомленія*. Другіе напротивъ пришли въ восторгъ отъ предложенія сказать „великое слово" и расходились однако въ томъ, сказать ли его немедленно или повременить имъ. У одного депутата вся рѣчь вертѣлась около слова— „великое слово". „Я желаю, сказалъ онъ, чтобъ твердое и ясное слово услышали всѣ классы, всѣ слои населенія отъ мелкаго чиновника до предсѣдателя

Совѣта министровъ. Вотъ почему это слово должно быть сказано здѣсь, поэтому оно и важно здѣсь". „Многіе убѣждали Думу противъ такого рѣшенія! Я этого не понимаю и не вижу логики въ словахъ ораторовъ, которые совѣтуютъ его не принимать. Если оно важно, если оно нужно, то его нужно здѣсь принять". Если мы несемъ отвѣтственность, если Г. Дума есть тотъ правительственный органъ, который можетъ сказать это *слово*, то кто же можетъ остановить ее... До того торжественнаго момента, когда Г. Дума скажетъ свое великое слово мы еще доживемъ. Мы не говоримъ еще того великаго слова, которое Г. Дума еще можетъ сказать, мы говоримъ населенію только о части дѣятельности Г. Думы".

„Дума не только желаетъ поднять свое значеніе государственной власти—она какъ учрежденіе продолжаетъ слѣдить за всѣми дѣйствіями тѣхъ органовъ, которые старались подорвать власть Г. Думы. Поэтому она должна произнести это слово сейчасъ же. Говорятъ этого нельзя сдѣлать. Это слово, обращенное къ народу, съ разъясненіемъ положенія дѣла въ странѣ, вызвало бы возстаніе. Я думаю здѣсь никто, ни слѣва, ни изъ центра, которые стоятъ за это слово, не желаютъ производить взаимныхъ насилій въ странѣ... Но намъ говорятъ, вы

подрываете самое *обращеніе*, вы подрываете революціонное движеніе, которое одно можетъ вывести страну на широкій путь освобожденія. Нѣтъ, именно нежеланіе насилій, нежеланіе, чтобы это великое революціонное освободительное движеніе разсыпалось на мелкіе ручейки и приняло бы характеръ эгоистическій, стихійный, а не характеръ опредѣленной организованной силы, поддерживаемой опредѣленной идеей, заставляетъ насъ настаивать, что Г. Дума должна обратиться съ своимъ словомъ къ населенію".

Эта рѣчь характеризуетъ полную политическаго тумана атмосферу, среди которой происходило засѣданіе 4 іюля; она характерна и по психологической ассоціаціи идей, той знаменательной нераздѣльности понятій—*революціоннаго* и *освободительнаго* движенія, которое такъ мало совмѣстимо съ стремленіемъ къ конституціонному порядку.

Другой ораторъ началъ съ вопроса: что такое этотъ актъ, предложенный вниманію Г. Думы? Есть ли это полемика съ министерствомъ? Есть ли это манифестъ къ народу, или просто письмо къ тетенькѣ, какія когда-то писалъ Щедринъ? И этотъ ораторъ пришелъ къ заключенію, что надо обратиться съ призывомъ къ народу *организованному*—но подъ этимъ онъ понималъ и органы го-

родского и земскаго самоуправленія, реформированнаго Думою!

Слѣдовавшій за нимъ ораторъ, „окраинецъ“ какъ онъ себя назвалъ, съ турецкой фамиліей, въ „этомъ сообщеніи находилъ полный отвѣтъ“. „Можетъ быть, говорилъ онъ, надо было взять тонъ болѣе мягкій, быть можетъ его надо было бы усилить, но всего важнѣе, „по возможности“ перевести его на всѣ мѣстные языки: пусть всякій прочтетъ на родномъ языкѣ, что изъ себя представляетъ нынѣшнее министерство!“ Другой депутатъ выразилъ свое одобреніе проекту словами: „За цѣлый мѣсяцъ пребыванія здѣсь, въ Петербургѣ, въ Г. Думѣ это единственный день, когда чувствуешь, что сердце начинаетъ биться сильнѣе, кровь движется въ жилахъ быстрѣе“. Поэтому депутатъ выразилъ сожалѣніе, что такъ долго не приходилось Г. Думѣ уловить моментъ, чтобы обратиться къ народу. Въ данномъ случаѣ министерство, именующее себя правительствомъ, совершило безусловно преступленіе!“

Возражая противъ предложенія пока ограничиться мотивированнымъ переходомъ къ очереднымъ дѣламъ, одинъ депутатъ объявилъ: что „такое кушанье слишкомъ тонко для крестьянина, притомъ же это кушанье и намъ уже значительно пріѣлось“.

Но онъ не одобрялъ и текста *обращенія*, „не желая брать на себя политической отвѣтственности за такія успокоительныя микстуры народу“. Онъ находилъ, что Дума не можетъ давать обѣщанія окончить работу по аграрному вопросу, такъ какъ еще существуетъ режимъ, который не склоненъ считать себя отжившимъ и „мы не можемъ ручаться, что наша работа будетъ проведена въ жизнь конституціоннымъ путемъ“. „Мы должны дать въ этомъ направленіи нѣчто большее“.

Въ этомъ тонѣ вторилъ другой депутатъ: „Видя свое безсиліе, сказалъ онъ, мы должны обратиться за помощью къ самому народу. „Подъ этимъ народомъ я подразумѣваю тотъ русскій народъ, который какъ бы представляетъ изъ себя теперь забытаго (?) Илью Муромца, который выпилъ живой воды и почувствовалъ въ себѣ силу великую“.

„И этотъ народъ-богатырь не пойдетъ окольными путями, а прямой дорогой, которая ведетъ къ свободѣ и къ праву. И горе этимъ соловьямъ-разбойникамъ, которые остаются до сего времени у власти и загораживаютъ ему прямую дорогу!“

Но среди такихъ „прямолинейныхъ“ депутатовъ (patriotes rectilignes, какъ ихъ называли среди якобинцевъ) были и ораторы, предпочитавшіе болѣе извилистыя рѣчи. Одинъ изъ юристовъ, занявшихъ

почетное положеніе, старался оправдать *обращеніе* изъ „естественнаго права“ уполномочивающаго даже всякаго отдѣльнаго человѣка опровергать то, что на него напрасно взведено другими. Онъ даже сослался на законъ о печати, предоставляющій всякому, на кого „взведена небылица“, право на опроверженіе на томъ же мѣстѣ и тѣмъ же шрифтомъ, какимъ было сдѣлано невѣрное сообщеніе. „Конечно, продолжалъ ораторъ, такъ какъ это есть сообщеніе отъ Г. Думы, т. е. учрежденія, къ голосу котораго прислушивается весь народъ, то всякое выраженіе въ немъ должно быть нами взвѣшено и обдумано; но за симъ мы можемъ совершенно спокойно его составить, не опасаясь отъ него никакихъ особенныхъ и чрезвычайныхъ послѣдствій“ (!).

„Мы должны сказать свое слово. Съ своей стороны, я ничего въ этомъ словѣ антиконституціоннаго или конфликтнаго, признаюсь, совершенно не усматриваю. Мнѣ кажется, что страхъ передъ этимъ совершенно неоснователенъ. Я долженъ сдѣлать оговорку: хотя я считаю, что мы, пока это возможно, должны оставаться на почвѣ конституціонности, но я не думаю, чтобы мы этой границы никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не обязаны были перейти; я полагаю, что могутъ наступить такія обстоятельства, когда въ самомъ дѣлѣ

придется выти изъ предѣловъ, такъ называемой, (?) конституціонности". Но сдѣлавъ эту оговорку я уже спокойно дальше говорю, что на мой взглядъ предполагаемымъ теперь сообщеніемъ мы этихъ предѣловъ конституціонности нисколько не переходимъ".

Такъ Рубиконъ и былъ перейденъ—однимъ въ ослѣпленіи страстью, въ жаждѣ борьбы и презрѣніи къ непріятелю, другими—въ самообольщеніи. что непріятель перехода не замѣтитъ, принявъ его за мирную демонстрацію.

Предсѣдатель поставилъ вопросъ: „Угодно ли Г. Думѣ перейти къ обсужденію проекта разъясненія, предлагаемаго комиссіей, по частямъ? *Переходъ былъ принятъ* и обсужденіе проекта по частямъ отложено на четвергъ 6-го іюля.

Этотъ результатъ, равносильный открытому объявленію войны правительству, не могъ не произвести сильнаго впечатлѣнія внѣ стѣнъ Таврическаго дворца. Тревожное состояніе, вызванное *буйнымъ* засѣданіемъ, дало себя почувствовать и самимъ дѣйствовавшимъ въ немъ лицамъ. На другой день послѣ него, т.-е. утромъ 5 и 6 іюля происходили частныя засѣданія кадетской партіи. Газеты сообщали, что обращеніе Г. Думы вызвало принципіальный расколъ среди этой партіи, что лѣвое

крыло ея намѣрено отколоться отъ партіи, и что съ другой стороны, болѣе умѣренные изъ кадетъ рѣзко осуждали рѣчи, произнесенныя нѣкоторыми изъ ихъ коллегъ 4-го іюля. Газеты самой партіи смягчали извѣстія о внутреннемъ расколѣ, но не отрицали что „союзники“ далеко разошлись съ кадетами. Относительно самаго обращенія кадетскія газеты признавали также, что предложеніе, внесенное депутатомъ Кузьминымъ-Караваевымъ 26-го іюня относительно обращенія къ народу, застало врасплохъ большинство Думы и старалось придать *обращенію* къ народу значеніе простого *разъясненія*.

Во всякомъ случаѣ *блокъ* между кадетами и лѣвыми группами не выдержалъ перваго толчка. Шибболетомъ, который ихъ соединялъ, была *революція*, но этотъ же лозунгъ ихъ и разъединялъ. „Сознательные товарищи“, желавшіе снести не только политическій, но и общественный строй Россіи, желали революціи sans phrase; полусознательные революціонеры, опасавшіеся, что пожалуй и „деревня пойдетъ на деревню“, мечтали о какой-то мощной, но мирной,—пассивной, но побѣдоносной революціи; *бѣлоручки* же революціи, для которыхъ она была не цѣлью, а средствомъ для захвата власти, желавшіе смотрѣть на нее лишь изъ оконъ,

грозили ею, но полагали, что часъ для нея еще не наступилъ.

На послѣднемъ собраніи к.-д. партіи было рѣшено замѣнить обращеніе, выработанное аграрной комиссіей, другимъ, не упоминавшимъ о *предположеніяхъ* этой комиссіи, еще не разсмотрѣнныхъ Думой, и тутъ же составленнымъ. Это новое обращеніе было внесено 6 іюля однимъ изъ вожаковъ к.-д. партіи, и рѣчь, сказанная имъ по этому случаю своими противорѣчіями и недомолвками обнаруживаетъ смутное настроеніе преобладавшей партіи.

Ораторъ мотивировалъ отступленіе своей партіи отъ уже принятаго Думой въ принципѣ текста тѣмъ, что при обсужденіи въ засѣданіи 4 іюля вопросъ „получилъ волей или неволей, сознательно или безсознательно, можетъ быть, не то направленіе, которое первоначально повидимому ему придавалось“. Первоначально имѣлось только въ виду возраженіе Думы на правительственное сообщеніе 20 іюня. Эта задача получила однако въ засѣданіи 4 іюля совершенно новое освѣщеніе и новое направленіе; предполагавшееся возраженіе явилось какъ бы обращеніемъ Думы къ населенію, „гдѣ населеніе призывается стать судьею между Думою и правительствомъ“.

Въ виду этого ораторъ находилъ необходимымъ для Думы показать, что въ ея задачу вовсе не входитъ въ *настоящій моментъ* ни захватъ исполнительной власти, ни вообще *революціонизированіе* страны“ [1]).

Казалось бы, чего же лучше? Но тутъ ораторъ перешелъ на другіе рельсы и далъ обратный ходъ. Сваливъ вину, какъ это обыкновенно дѣлается, съ больной головы на здоровую, ораторъ сталъ доказывать, что правительство принимало *цѣлый рядъ мѣръ*, которыя вносили волненія и смуту въ народъ. Коснувшись правительственнаго сообщенія 20 іюня, ораторъ заявилъ: „Правительство само обратилось къ населенію съ воззваніемъ, само пригласило это населеніе стать посредникомъ между Думою и нимъ“(??)... „Я отрицаю за правительствомъ, за министерствомъ право на такого рода шаги; отрицаю его и за Думою (!), но разъ правительство вступило на этотъ путь, Думѣ ничего не остается, какъ разъяснить населенію, что правительство вводитъ его въ заблужденіе“.

Ораторъ нашелъ нужнымъ отвѣтить на возраженіе, что обращеніе Думы внесетъ смуту въ народъ. Но что же онъ отвѣтилъ? Онъ сталъ перечислять

---

[1]) Курсивъ нашъ.

различныя тревожныя извѣстія о разныхъ погромахъ и между ними денешу: сгорѣла вся Сызрань. Логика требовала бы сказать: и въ такой-то моментъ народные представители хотятъ вносить еще большую смуту въ населеніе! Но логика страстей разсуждаетъ; иначе „и въ такой-то моментъ“, воскликнулъ ораторъ, правительство находитъ удобнымъ заявить населенію, что Дума принимаетъ такія рѣшенія, которыхъ *оно* не принимаетъ и не допускаетъ. Заявленіе это со стороны правительства въ высшей степени *революціонное* (!). Правительство не имѣетъ права заранѣе заявить, что оно не согласно съ законодательнымъ учрежденіемъ. Если правительство поступаетъ на путь революціонный, Думѣ остается защищаться противъ такого положенія и т. д.

Ораторъ пришелъ къ выводу, что вся задача заключается въ томъ, чтобы сказать населенію, что когда Дума разсмотритъ и разрѣшитъ аграрный вопросъ, *тогда наступитъ удовлетвореніе всѣхъ завѣтныхъ желаній крестьянъ*, которыя въ настоящій моментъ являются источникомъ смутъ.

Но вѣдь депутатъ прекрасно зналъ, что проекты Думы могутъ стать законами лишь съ согласія Г. Совѣта и Верховной Власти! Если онъ считалъ *революціоннымъ* актомъ заявленіе правительства, что оно на такіе-то проекты не согласится—на что оно

имѣло полное право,—то какъ же назвать воззваніе Думы съ обѣщаніемъ исполнить всѣ завѣтныя желанія крестьянъ при полномъ сознаніи, что эти проекты не будутъ утверждены?

Это все та же обманная демагогія, которая проходитъ черезъ всю политику к.-д. партіи.

Противъ приведенной рѣчи выступилъ вождь *трудовиковъ*. Онъ выразилъ неудовольствіе своей группы на своевольный маневръ кадетовъ, внесшихъ новый проектъ вмѣсто обсужденія по пунктамъ проекта, уже принятаго однажды Думой. Если бы трудовая группа, сказалъ онъ, знала это раньше, то и она, а равно и наши товарищи, соціаль-демократы, воспользовались бы этимъ, чтобы внести свой проектъ обращенія. На этомъ основаніи онъ предложилъ *возвратить* проектъ автору.

Когда это было отклонено, ораторъ принялся разбирать проектъ и рѣчь своего предшественника. Онъ началъ съ придирокъ, но характерныхъ. Онъ сталъ отрицать правильность *обращенія* къ народу по двумъ причинамъ. Онъ увѣрялъ, что составъ Г. Думы не представляетъ собою народныхъ избранниковъ вслѣдствіе уродливости избирательнаго регламента и бойкота выборовъ со стороны многихъ. Во-вторыхъ потому, что пока существуетъ безотвѣтственное министерство и Государственный Совѣтъ

„въ Г. Думѣ никакой правильной нормальной работы не можетъ быть". Казалось бы, что послѣ этихъ словъ ораторъ долженъ былъ бы со всей своей группой покинуть Думу, но онъ объ этомъ и не подумалъ. Гораздо серьезнѣе было слѣдующее возраженіе противъ *обращенія*. Послѣднее было мотивировано будто бы необходимостью вселить въ населеніе вѣру, что Дума сможетъ разрѣшить аграрный вопросъ на основаніяхъ, указанныхъ ею въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь. „Я спрошу, восклицалъ ораторъ, имѣемъ ли мы какое-нибудь, не только полное, но даже относительное право обращаться къ населенію съ такимъ увѣреніемъ"? Тутъ можно было бы думать, что ораторъ по существу противникъ *обращенія*, но оказалось, что онъ только противъ такого обращенія, которое совѣтовало населенію мирно и спокойно ожидать, пока Дума выработаетъ законопроектъ, согласный съ желаніями народа.

Но слушателя ожидалъ еще новый сюрпризъ! Нужно было думать, что ораторъ сейчасъ заявитъ себя революціонеромъ! А онъ вмѣсто этого сталъ увѣрять въ противномъ: „Всѣ мы—мирные люди. Г. Дума—мирное законодательное учрежденіе. Мы пришли сюда для мирной работы". Но бѣда въ томъ, что правительство производитъ революцію. „Здѣсь

указываютъ, что правительство выступило на путь революціонный, издавъ свое сообщеніе. Но я скажу, что это правительственное сообщеніе – только маленькій шагъ на революціонномъ пути. Правительство уже давно выступило на путь революціонный—десятки лѣтъ тому назадъ“ и т. п.

Оттого при немъ и мирная работа невозможна. „Всѣ самые мирные депутаты изъ партіи народной свободы говорятъ, что если бы у насъ была дѣйствительная конституція, если бы правительство не нарушало нашихъ правъ, намъ не было бы нужды обращаться къ народу, и что это обращеніе съ конституціонной точки зрѣнія неправильно. Совершенно вѣрно!“

Утративъ всѣ „иллюзіи“, нашъ мирный гражданинъ взываетъ къ революціи. „Мы выступаемъ, какъ первый передовой отрядъ борющейся всенародной арміи. Мы не забыли, что мы народные представители и обращаемся прежде всего къ народу. Смотри, народъ, дѣло всенароднаго освобожденія въ опасности, смотри—мы уже теряемъ послѣднюю вѣру, послѣднія силы“.

Но революція, къ которой призывалъ ораторъ—была революціей особаго рода. Это была „организованная борьба, не та борьба, на какую вызываетъ преступное правительство—не борьба путемъ погро-

мовъ. пожаровъ и т. п., а борьба сознательная, широко организованная!“ Наша задача не въ томъ, чтобы обращаться къ народу съ призывомъ къ миру и успокоенію, потому что наше слово тутъ будетъ безрезультатнымъ — намъ необходимо лишь указать, чтобы народъ не выступалъ на путь пугачевщины, чтобы онъ не поддавался провокаціи агентовъ правительственной власти“.

Ораторъ предостерегалъ, что если революція двинется по пути неорганизованному, то послѣдуетъ ужасающая анархія, пойдетъ всенародное разложеніе страны. „Мы же должны сказать: разъ революція неизбѣжна, разъ борьба неизбѣжна, разъ старая власть не уступаетъ своихъ позицій, разъ мы высланы передовымъ отрядомъ и народъ выдвинулъ насъ на первый планъ. — мы должны указать народу на организованную борьбу“.

И зачѣмъ такъ пугаться слова „борьба“? подбадривалъ ораторъ. Революція у насъ была и есть. Путь организаціи союзовъ, забастовки, протесты, требованія—все это путь мирный и въ то же время революціонный. Напомнивъ о результатахъ, достигнутыхъ этимъ путемъ, ораторъ воскликнулъ въ своемъ революціонномъ припадкѣ: „Точно такъ же и теперь наша главная надежда на великое святое неспокойство народа, на великое народное не-

годованіе, которое въ концѣ концовъ испепелитъ старое, черное зло, водворитъ новый законъ и порядокъ!“ Вмѣстѣ съ этимъ *святымъ* неспокойствомъ нашъ ораторъ обнаружилъ однако *святую* (?) *простоту*, когда ему пришлось отвѣчать своимъ критикамъ. „Когда, въ какой части моей рѣчи я предлагалъ захватное право, возстаніе“ спрашивалъ онъ? Ничего подобнаго не было. „Я не призывалъ къ вооруженному возстанію, не призывалъ и къ пугачевщинѣ, къ захватному праву“. „Мы, мирные люди, прежде всего подразумѣваемъ мирный способъ борьбы; менѣе мирные и совсѣмъ не мирные способы мы оставляемъ на волю народа, который въ правѣ употребить ихъ, если крайняя степень безвыходнаго отчаянія вынудитъ его на это“.

Это достопамятныя слова. Произнося ихъ, ораторъ характеризовалъ революціонную тактику не только своей группы, но и кадетовъ — „мирно“ возбуждать народъ къ сопротивленію властямъ и къ революціи, возлагая на его отвѣтственность вооруженныя столкновенія съ ними.

Но проповѣднику *мирной* борьбы не удалось отвертѣться. Одинъ изъ депутатовъ съ *правой* сталъ доказывать, что во всѣхъ словахъ почтеннаго товарища звучала большая непослѣдовательность. Онъ послѣдователенъ только въ одномъ отношеніи—въ

своемъ сочувствіи революціонизированію страны. „Но что-то знакомое прозвучало для меня въ этихъ словахъ", прибавилъ ораторъ и сослался на докладъ послѣдняго объединительнаго съѣзда россійской с.-д. партіи, который былъ слово въ слово переложенъ въ его рѣчи представителемъ лѣвой стороны, съ той только разницей, что онъ не все изъ него досказалъ. Тамъ было сказано, что „нужно использовать всѣ конфликты, возникающіе какъ между правительствомъ и Думою, такъ и въ самой Думѣ, стремиться расширить эти конфликты до предѣловъ, дающихъ возможность сдѣлать ихъ исходной точкой широкаго народнаго движенія. Затѣмъ непосредственной задачей является вырвать государственную власть изъ рукъ самодержавнаго правительства... и поставить народъ передъ необходимостью вооруженнаго возстанія".

Вотъ къ чему сводилась *мирная* политика! Возражалъ представителю этой *мирной* политики и самъ генералъ *отъ кадетовъ*, вызвавшій внесеннымъ имъ новымъ проектомъ *обращенія* всю эту смуту. Его возраженія были дѣльны. „Что касается *организаціи* народа, говорилъ онъ, то я спрошу, какимъ образомъ можно его организовать и что сдѣлать съ такимъ предложеніемъ? Развѣ въ томъ

дополненіи, которое внесъ депутатъ, заключается этотъ рецептъ организаціи? Я такого способа не знаю и думаю, что этотъ способъ не можетъ быть отысканъ самымъ тщательнымъ изслѣдованіемъ".

Но любопытно и характерно для тактики к.-д. партіи, что въ то же время ея вождь нашелъ нужнымъ оправдываться передъ депутатомъ, революціонную фантазію котораго онъ бичевалъ: „Депутатъ говорилъ, что наша задача будто бы заключается въ томъ, чтобы призвать населеніе къ спокойствію. Но прежде всего я позволю себѣ спросить: развѣ мы говорили о мертвомъ спокойствіи этого народа; развѣ предлагаемъ ему уснуть"?—Развивая эту мысль, вождь кадетовъ произнесъ слова, которыя звучатъ тяжкимъ обвинительнымъ актомъ его собственной партіи и можетъ быть его самого за поступокъ, совершенный лишь *три* дня спустя: „Рисковать судьбою народа въ смыслѣ возможности вызвать такое броженіе, я думаю, едва ли было бы правильно. Я думаю не въ интересахъ никакихъ партій здѣсь, отъ самой правой до крайней лѣвой. *чтобы народъ безплодно погибалъ*".

Надо было остаться вѣрнымъ этому девизу. Но наши революціонеры замѣнили для себя принципъ noblesse oblige другимъ: „революція попутала".— такъ и вождь кадетовъ, возражая революціонерамъ,

нашелъ нужнымъ трубить въ революцію: „Можетъ быть, благодаря дѣятельности правительства страна революціонируется, и оно доведетъ ее до того, что страна убѣдится въ невозможности никакимъ легальнымъ путемъ добиться необходимаго порядка; *тогда, конечно, и намъ придется говорить съ народомъ инымъ языкомъ*. Но, господа, я думаю, тогда не будемъ говорить о Думѣ, не будемъ говорить о нашей неприкосновенности; тогда неприкосновенность уже исчезнетъ, и намъ придется бороться съ властью не этимъ путемъ, не съ каѳедры, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ (*аплодисменты*).

Послѣднія слова стали пророческими, а это *другое мѣсто* оказалось мѣстомъ безопаснымъ — за рубежомъ.

Кадеты въ этомъ засѣданіи мало поддерживали своего вождя; сунулся было одинъ изъ юныхъ и дерзнулъ сказать, что не всякій, взывающій къ народу, служитъ народу, но его обрѣзали *голоса*: „это что за нотація“?

Этотъ *ропотъ* послышался съ крайней лѣвой. Оттуда же раздалась карательная рѣчь, которая съ точки зрѣнія *абсолюта* въ революціи съ презрѣніемъ отнеслась къ революціоннымъ ужимкамъ и фразамъ другихъ партій „Я никого не хотѣлъ

бы обидѣть, началъ ораторъ, но долженъ сказать, что многіе изъ насъ разыгрываютъ какую-то комедію. Многіе члены Г. Думы и даже большинство стараются сохранить невинность въ глазахъ правительства и нажить капиталъ въ видѣ конституціи и гражданскихъ правъ". Осуждая своихъ коллегъ по Думѣ за то, что они отступили отъ настроенія, съ которымъ пришли туда, онъ не постѣснился стыдить ихъ тѣмъ, что они обращаются въ фальшивыхъ народныхъ представителей. Оттого авторитетъ Думы падаетъ. Въ своемъ пессимизмѣ ораторъ „съ каждымъ днемъ убѣждался, что „мы приняліись за разоруженіе революціи"; онъ не находилъ уже разницы въ этомъ смыслѣ между Думою и правительствомъ: „оно разоружаетъ революцію и мы разоружаемъ ее. Только въ цѣляхъ разница: правительство разоружаетъ ее ради своихъ интересовъ, мы же—во имя конституціи. Скажите, ради Бога, гдѣ же эта конституція? Какой-то жалкій клочокъ исписанной бумаги? Развѣ это конституція"? Но гнѣвный ораторъ не только не пожалѣлъ ненавистной ему конституціи, онъ не пожалѣлъ и своихъ товарищей по Думѣ. „Мы говоримъ очень пылкія рѣчи, но, господа народные представители, это не рѣчи свободнаго гражданина, это рѣчи раба, такого раба, у котораго переполнена чаша терпѣ-

нія. Гнѣвъ депутата былъ вызванъ поправками, предложенными къ *обращенію*. Эти поправки доказывали по словамъ депутата, что „мы испугались своего шага, что мы не борцы, что мы отступили отъ принятаго рѣшенія, что мы боимся его, что мы хотимъ смягчить его. Борцы, истинные борцы, такъ не поступаютъ". Предостерегая своихъ товарищей, что народъ отъ нихъ отречется и смететъ не только правую сторону, но всѣхъ, ораторъ заключилъ свое обличеніе безлошадными словами— внесеніе поправокъ „докажетъ, что мы не граждане, а трусы жалкіе".

Такъ раскололся революціонный *блокъ* и стали обрисовываться различныя отношенія его участниковъ къ революціи, которой всѣ желали.

Изъ дальнѣйшихъ преній отмѣтимъ рѣчь крестьянина, обнаруживающую, какъ смутно отражаются въ неподготовленныхъ умахъ сложные конституціонные вопросы. Въ доказательство необходимости разослать воззваніе къ народу онъ приводилъ слѣдующую аргументацію: „Если Г. Дума, которая, какъ она говоритъ, есть самый высшій *органъ* государства, то, разославъ повсюду воззваніе, она сдѣлаетъ истинное благодѣяніе для населенія. Намъ нельзя не сдѣлать этого воззванія потому, что Г. Дума, какъ она сама сказала, стоитъ выше

министерства. Если мы считаемъ себя выше министерствъ, то мы обязательно должны сдѣлать возраженіе министерству на его декларацію". Этотъ крестьянинъ былъ посланъ домой для провѣрки правильности состоявшихся выборовъ и, дѣлясь съ Г. Думою своими домашними впечатлѣніями, подтвердилъ, что его односельчане, какъ и онъ самъ, понимали въ политикѣ только одно—*начальство*, спрашиваютъ только объ одномъ: кто теперь *начальство?* прежнее или новое, т.-е. „депутаты Думы". Заслуживаетъ вниманія и рѣчь предсѣдателя аграрной комиссіи, бросающая свѣтъ на двусмысленную политику к.-д. партіи и на Выборгскій фіаскъ. Возражая одному депутату на его требованіе объявить въ *обращеніи* къ народу, что „Дума ожидаетъ отъ населенія мощной, организованной поддержки", предсѣдатель заявилъ, что для этого нѣтъ основанія. Но онъ многозначительно добавилъ: „если придетъ тотъ моментъ—онъ еще не наступилъ, но я увѣренъ, что онъ придетъ и придетъ не по нашей волѣ и не по нашему желанію (!), тогда намъ придется выступить съ обращеніемъ къ народу, тогда мы будемъ обсуждать предложеніе, сдѣланное депутатомъ". Въ то же время, *оправдываясь* противъ упрековъ с.-д. партіи, будто бы предлагающіе это обращеніе хотятъ имъ предотвратить народныя волне-

нія—предсѣдатель „удостовѣрялъ, что такихъ наивныхъ цѣлей мы не имѣемъ“. Нельзя думать, прибавилъ онъ, что поджоги, погромы усадебъ могутъ быть остановлены отдѣльнымъ сообщеніемъ. Итакъ, въ эту политику входило не предотвращать „крестьянскихъ преступленій“ обращеніями къ народу въ виду ихъ безполезности и взывать къ революціонному содѣйствію населенія, когда это понадобится партіи.

Прекрасно говорилъ о „революціонныхъ пріемахъ“ и предостерегалъ Думу противъ опаснаго и ложнаго пути, къ которому она склонялась,—депутатъ съ правой стороны. „Съ такимъ же правомъ, какъ мы говорили о необходимости отставки министерства, они могутъ тогда заговорить о необходимости разгона, виноватъ,—роспуска Г. Думы. Потому, если наши цѣли и желанія не революціонны, я думаю, многіе согласятся, что пріемъ, по существу, остается революціоннымъ.—Я сегодня и въ прошлое засѣданіе узналъ, что есть революціи въ хорошемъ смыслѣ, что бываютъ революціи „по хорошему“. Но эта историческая тайна не была намъ открыта; мы такихъ революцій не знаемъ“.

„Эта революція въ хорошемъ смыслѣ очень похожа на простую революцію. и мнѣ кажется, что воззваніе сыграетъ роль бомбы. Оно произведетъ

большой шумъ и приведетъ ко многимъ жертвамъ. Вотъ почему этотъ пріемъ есть пріемъ революціонный, и если Дума откажется отъ него, то отъ этого она не проиграетъ". Къ сожалѣнію мы однако и въ этой рѣчи встрѣчаемъ, какъ не разъ въ Думѣ, сбивчивыя выраженія по отношенію къ правительству. Ораторъ „полагалъ, что министерство, называя свое сообщеніе народу *правительственнымъ*, несомнѣнно нарушило конституцію" (?). Развѣ русская конституція, призвавъ Думу къ участію въ законодательствѣ и къ утвержденію бюджета, передала правительственную власть въ другія руки? Развѣ министерство, въ которомъ бы участвовалъ этотъ ораторъ, не называло бы безъ всякаго нарушенія конституціи свои сообщенія правительственными? Всякое сообщеніе, исходящее отъ совѣта министровъ, корректно, пока оно согласно съ *дѣйствующимъ* закономъ. Съ возможными въ будущемъ законами оно не обязано сообразоваться.

Но время шло, и дѣло приближалось къ исходу. Въ послѣдней части засѣданія нужно отмѣтить три *поправки*, по поводу которыхъ раскрылась вся неискренность кадетской политики. Не желая подвергать Польскія области аграрному деспотизму кадетовъ, представители польскаго Коло потребовали внесенія поправки, имѣвшей цѣлью „устройство

земельнаго дѣла согласно мѣстнымъ условіямъ и волѣ мѣстнаго населенія". Кадеты въ своемъ экспропріаторскомъ деспотизмѣ не захотѣли допустить такого исключенія и впали этимъ въ полное противорѣчіе съ внесеннымъ ими въ свою программу принципомъ автономіи; и по волѣ судьбы самый горячій кадетъ, который нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ запальчиво отстаивалъ польскую автономію, нашелъ себя вынужденнымъ итти наперекоръ требованіямъ польскихъ автономистовъ и объявить ихъ поправку „совершенно непріемлемой".

Не менѣе знаменательно опущеніе кадетской партіей въ ея воззваніи словъ „по справедливой оцѣнкѣ" въ дѣлѣ принудительнаго отчужденія. Напрасно нѣкоторые ораторы, даже изъ кадетъ, отстаивали эту поправку въ виду того опаснаго недоразумѣнія, въ которое воззваніе могло бы повергнуть сельское населеніе—умолчаніемъ о платѣ за отчужденную землю. Нашлись противники этой поправки на томъ формальномъ основаніи, что въ отвѣтномъ адресѣ Думы на тронную рѣчь ничего не было сказано о „справедливой оцѣнкѣ". Извѣстно, что съ самаго начала кадетская партія въ своихъ программахъ играла этимъ вопросомъ, желая, съ одной стороны, привлечь къ себѣ массы, съ другой успокоить общественное мнѣніе.

Вслѣдъ за этимъ еще разъ обнаружился самый тяжкій грѣхъ кадетской партіи—преступная демагогія. Напрасно одинъ изъ депутатовъ умолялъ Думу высказаться въ воззваніи „противъ погромовъ, поджоговъ, грабежей, и объявить, что она считаетъ своей задачей осудить всякое насиліе, всякій произволъ, откуда бы и отъ кого бы онъ ни шелъ". Поправка была отвергнута, и этимъ кадетская партія снова заявила, что она состоитъ не изъ государственныхъ людей, а изъ конспираторовъ.

Но никакая демагогія, никакое заискиваніе у союзниковъ, не помогли кадетамъ. Ихъ постигла заслуженная ими судьба. Одна партія союзниковъ откланивалась за другой, обвиняя кадетовъ въ двоедушіи!

С.-д. фракція заявила, что она считаетъ себя вынужденной отказаться отъ дальнѣйшаго обсужденія проекта обращенія, будетъ голосовать противъ него и оставляетъ за собой право самостоятельнаго обращенія, чтобы выяснить народу истинное положеніе. Представитель же трудовой группы заявилъ, что такъ какъ Дума должна сосредоточить вокругъ себя сочувствіе всего населенія и особенно подчеркнуть свою надежду на помощь и поддержку организованнаго народа,—эта группа воздержится отъ голосованія по настоящему обращенію къ народу. О томъ же заявило и польское Коло.

Такъ случилось, что изъ 278 наличныхъ депутатовъ (изъ числа 457) 101 воздержались. Изъ участвовавшихъ въ голосованіи 177 депутатовъ противъ обращенія подали голосъ 53, за него — 124. Обращеніе было принято, но кадетская партія потерпѣла пораженіе въ томъ смыслѣ, что собрала въ свою пользу менѣе одной трети общаго числа думскихъ голосовъ.

На слѣдующій день, 7 іюля, происходило послѣднее засѣданіе первой русской Думы. Въ ночь съ 8 на 9 былъ распубликованъ указъ о роспускѣ Думы. Двери Таврическаго Дворца были для нея закрыты. Такъ завершила свою историческую роль первая русская Дума, завершила ее не только фактически, но и морально передъ лицомъ русскаго народа, такъ какъ она была призвана принести ему свободу, а не революцію.

Но дѣятельность депутатовъ имѣла еще знаменательный *эпилогъ*, который окончательно выясняетъ истинный характеръ главнѣйшихъ думскихъ группъ. Въ теченіе воскресенья многіе изъ бывшихъ членовъ Думы выѣхали въ Выборгъ и тамъ устроили засѣданіе, въ которомъ сняли съ себя маску. Они обратились къ русскому народу съ воззваніемъ, которымъ уже прямо толкали его на путь революціи, приглашая не платить податей и

не давать правительству рекрутъ. Воззваніе вдвойнѣ революціонное — и потому, что подписавшіеся подъ нимъ въ своей манiи величія поставили себя выше законной государственной власти и потому, что звали на бунтъ многомилліонный народъ.

Они не поняли своего положенія, а именно, что перестали представлять собою законодательное учрежденіе, что они ни что иное, какъ политическій клубъ, не имѣвшій права говорить отъ имени Думы, срывать свою личную злобу на русскомъ народѣ—они не поняли, что отъ трагической позы къ комическому положенію лишь одинъ шагъ.

Конспиративный характеръ группъ, подписавшихъ воззваніе, обнаружился въ чистотѣ. Намятуя слово одного изъ своихъ коллегъ, что „не надо злоупотреблять благоразумiемъ“, подписавшіе воззваніе слишкомъ полусердствовали, выпустивши свой безумный призывъ къ революціи. Правда, они лично мало рисковали, не ставши во главѣ тѣхъ, кого они поднимали на бунтъ. Они не послѣдовали примѣру французскихъ депутатовъ 1789 года, поклявшихся не расходиться—*они разошлись*, но поступили, какъ парѳяне, которые, убѣгая отъ врага, посылали ему самыя опасныя стрѣлы. Они тоже пустили стрѣлы, но не во врага, а въ вѣрившее имъ беззащитное населеніе, ко-

торое они вводили въ обманъ и толкали на пугачевщину со всѣми ея бѣдствіями.

Они бросили яблоко раздора между русскимъ народомъ и правительствомъ, или, выражаясь словами одного изъ депутатовъ въ засѣданіи 6-го, бросили бомбу, которая должна была сокрушить основы русскаго государства.

Такъ они остались вѣрными себѣ до конца. Но какими жалкими оказались послѣ Выборгскаго воззванія всѣ эти пышныя рѣчи о любви къ народу, о его благѣ и спасеніи! Въ Выборгскомъ воззваніи его авторы проявили себя тѣмъ, чѣмъ они были — властолюбцами, стремившимися захватить власть надъ русскимъ народомъ, самозванцами русской старины въ современныхъ костюмахъ!

* * *

Итакъ, первая русская Дума не исполнила своего назначенія, не водворила въ Россіи политической свободы, не разрѣшила конституціоннаго вопроса, а лишь запутала его. А почему? — Потому, что люди, которые были призваны къ этому высокому дѣлу, шли въ Таврическій Дворецъ не для насажденія свободы, а — за почтенными исключеніями — ворвались туда, какъ завоеватели — подобно галламъ на римскомъ форумѣ, хватавшимъ

за бороду сенаторовъ и гремѣвшимъ мечами съ крикомъ „Горе побѣжденнымъ“!

Конечно, многое объясняется условіями времени и обстоятельствами выборовъ: тяжелое настроеніе и недовольство народа, вызванное войной и ея неудачей, растерянность властей, экономическая рознь въ селахъ, на фабрикахъ и другихъ предпріятіяхъ, рознь, дозволявшая революціонной агитаціи повсюду вбивать свои клинья въ строй русскаго государства; вражда къ этому строю цѣлыхъ народностей, угнетенныхъ чужими и терроризованныхъ своими, но паче всего растерянность русскаго общества отъ долгой приниженности, порождавшей равнодушную покорность, а съ другой стороны необузданное своеволіе при первой возможности. Всѣ, кто только могъ, прибѣгали къ насиліямъ и протягивали руку къ власти, не уважая ни закона, ни чужихъ правъ: служащіе земству и городскому самоуправленію захотѣли сами распоряжаться этими учрежденіями, учащіеся—учащими, а союзы всевозможныхъ союзовъ—распоряжаться государствомъ. Въ центрѣ же всей этой анархіи роскошно развилась революціонная организація съ участіемъ заграничныхъ революціоперовъ. При такихъ условіяхъ рѣчь шла въ Россіи не о свободѣ, а о самовластіи и о безвластіи.

14-го октября съѣздъ к.-д. партіи объявилъ, что его цѣль—учредительное собраніе, а на другой же день послѣ манифеста 17 окт. отвѣтилъ на сдѣланныя правительствомъ уступки постановленіемъ, что задачей к.-д. партіи остается попрежнему достиженіе вышеупомянутой цѣли — учредительнаго собранія.

Одновременно съ этимъ стала появляться анархія въ политическихъ забастовкахъ, въ декабрьскомъ возстаніи въ Москвѣ, въ повсемѣстномъ появленіи самозванныхъ властей. При такихъ-то обстоятельствахъ состоялось избраніе первой русской Думы. Въ ея расчетъ было не успокоивать взбаламученное море анархіи, а сдѣлать ее хронической для достиженія власти; но можно ли на анархическихъ чувствахъ и всеобщемъ стремленіи къ захвату власти и чужой собственности строить политическую свободу?

Но если первая русская Дума не водворила въ Россіи свободы, то она указала путь, по которому эта цѣль недостижима. Ни диктатура пролетаріата, заявленная с.-д. партіей, ни якобинство кадетовъ не могутъ ее породить, а чудовищный союзъ между этими партіями можетъ породить только политическое чудище. Ибо всегда въ подобномъ случаѣ повторятся тѣ памятныя слова деп. Кузьмина-Караваева, которыя мы поставили въ заголовкѣ:

„Нельзя забывать, что мы и здѣсь, въ Думѣ, отражая собой населеніе, чрезвычайно единодушны во всемъ, что касается отрицанія; но есть ли въ насъ единодушіе въ положительныхъ идеалахъ? Разъ мы станемъ на почву положительныхъ идеаловъ, то наше единодушіе неизбѣжно само собой уладетъ".

Есть еще важная причина, почему отъ кадетовъ во власти нельзя ожидать свободы въ Россіи. Политическая свобода нуждается въ мѣстной свободѣ, въ либеральномъ самоуправленіи. Но еще не было у русскаго самоуправленія болѣе злого врага, какъ кадетская аграрная политика.

Осуществленіе принудительнаго отчужденія такъ, какъ они его понимаютъ, даже со справедливой оцѣнкой, которой они не хотѣли признать на послѣднемъ засѣданіи, подорвало бы навсегда земское самоуправленіе. Если бы на широкомъ пространствѣ русскихъ степей и лѣсовъ погасли огни снесенныхъ усадебъ, вмѣстѣ съ ними погасли бы и очаги культуры и исчезли бы люди, безъ которыхъ земское самоуправленіе немыслимо.

Нѣтъ, свобода можетъ водвориться лишь путемъ *самоограниченія*. Такое самоограниченіе и совершило, къ великой своей славѣ, русское самодержавіе. Оно отказалось отъ двухъ важнѣйшихъ

своихъ прерогативъ: отъ неограниченнаго права законодательства и отъ автономнаго распоряженія государственнымъ бюджетомъ.

Теперь очередь самоограниченія за русскимъ народнымъ представительствомъ, которому это много легче, такъ какъ ему приходится не отказываться отъ власти, а пріобрѣтать ее. Если найдутся народные представители, способные на самоограниченіе, и если изъ нихъ будетъ составлена новая Дума, тогда второй Думѣ будетъ принадлежать высокая честь утвержденія въ Россіи политической свободы и тогда только Россія избавится отъ дикаго террора снизу и репрессалій сверху.

Московская Центральная
Публичная библиотека

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Великое значеніе Г. Думы	5
Первая русская Дума какъ отраженіе этнографическаго и культурнаго разнообразія Россіи, а также революціоннаго момента	7
Революціонный характеръ к.-д. партіи	11
Отвѣтный адресъ Г. Думы на тронную рѣчь	12
Стремленіе заставить уйти министровъ и захватить правительственную власть	15—36
Воззрѣнія депутатовъ на Г. Думу	37
На конституцію	44
На правительство и монархію	45
На народъ и народовластіе	50
На революцію	57
Призывъ къ подражанію англійскому образцу	63
Союзъ партій и разногласія между ними	66
Роковой вопросъ—проектъ обращенія Г. Думы къ народу.	72
Его обсужденіе и принятіе въ засѣданіи 4 іюля	74
Расколъ среди революціоннаго большинства въ засѣданіи 6 іюля	94
Эпилогъ—Выборгское воззваніе	113
Заключеніе	115

Цѣна 50 коп.